

802-18
638

ВОЕННЫЙ

175-6-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

№ 7

І Ю Л Ъ

1869

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

КОКАНСКОЕ ХАНСТВО

ПО НОВѢЙШИМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ (*).

Извѣстно до какой степени бѣдна и наша, и европейская литература положительными свѣдѣніями о государствахъ средней Азіи, недоступныхъ до сихъ поръ для немусульманъ, вслѣдствіе религіознаго фанатизма и нетерпимаго склада понятій, образовавшагося и въ правительствѣ, и въ народѣ. Вотъ почему всякое свѣдѣніе объ этихъ загадочныхъ странахъ, будь оно даже изъ самыхъ поверхностныхъ, съ жадностью читалось публикою и доставляло автору извѣстность, иногда превышавшую его заслуги, чему примѣромъ можетъ служить книга Вамбери, составленная при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, что авторъ не имѣлъ возможности, по его же разсказу, не только вести мемуары своего путешествія, но даже не могъ, по своему положенію странствующаго дервиша, ни спрашивать, ни, тѣмъ болѣе, записывать чего бы то ни было. Въ виду того понятнаго интереса, который читающее общество выказываетъ ко всему касающемуся государствъ средней Азіи и вслѣдствіе нашего теперешняго сближенія съ ними, мы считаемъ полезнымъ сообщить читателямъ нѣкоторое понятіе о Коканскомъ ханствѣ, на основаніи имѣющихся печатныхъ источниковъ, которые мы дополнимъ свѣдѣніями, еще ненапечатанными и добытыми нашею мисією, отправленною зи-

(*) „Военно-статистическій Сборникъ“ на 1868 годъ.—„Матеріалы о Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ“, генераль-маіора Магшева.—„Очерки Средней Азіи“, Вамбери.—„Извѣстія и Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества“.—„Виды государственной внѣшней торговли“ за 1862—1866 годъ.—Статья г. Хорошкина: „Замѣтки о Коканѣ“.—„Карта Туркестанскаго генераль-губернаторства“, составленная при главномъ штабѣ. — Ненапечатанная записка генеральнаго штаба подполковника Шауруса „О путешествіи въ Коканъ зимою“ 1867—1868 годовъ, и другіе оціяльные матеріалы.

мою 1867—1868 годовъ въ Коканъ, съ цѣлью упроченія съ ханствомъ торговыхъ сношеній. Свѣдѣнія эти, полученные большею частью посредствомъ распросовъ или путемъ личнаго наблюденія во время 16-дневнаго пребыванія въ Коканъ, будутъ полезны, какъ матеріалъ для дальнѣйшей разработки статистики и географіи этого края.

I.

Географическое положеніе ханства.—Его границы.—Общій характеръ страны.—Рѣка Нарынъ и ея значеніе.—Канализація.—Климатъ.—Этнографическія свѣдѣнія.—Осѣдлое и кочевое населеніе ханства.—Города.—Коканъ; его постройки; мечети и медресе; базаръ.—Другіе города ханства.—Пути сообщенія.—Дорога въ Кашгаръ.

Коканское ханство, въ настоящее время, представляетъ небольшую совершенно замкнутую долину, окоймленную съ трехъ сторонъ отвѣсными, почти недоступными скалами Тянь-Шана и его отроговъ, а съ четвертой прилегающую къ территоріи туркестанскаго генералъ-губернаторства. Эта прекрасная и плодородная долина, называемая Ферганскою, прорѣзывается по всей своей длинѣ, съ востока на западъ, р. Нарыномъ, принимающимъ, по впаденіи въ него съ правой стороны р. Джумгалъ, названіе Сыръ-Дарья. Рѣка Нарынъ, берущая начало въ ледникахъ Тянь-Шана и впадающая въ Аральское море, подобно громадной артеріи, питаетъ страну, даетъ ей жизнь и, по вліянію своему на земледѣліе, занимаетъ самое важное мѣсто. Известно, что въ средней Азіи вообще все земледѣліе основано на искусственномъ орошеніи полей, частью посредствомъ естественныхъ развѣтвленій рѣки, частью посредствомъ искусственныхъ каналовъ, называемыхъ арыками; въ Коканѣ вода въ эти каналы доставляется исключительно изъ Сыръ-Дарьи и ея притоковъ. Искусственная канализація имѣетъ въ средней Азіи характеръ государственнаго учрежденія, такъ что во всякомъ селеніи находится особый чиновникъ, наблюдающій за водопроводами и каждою весною заставляющій очищать ихъ отъ песчаныхъ заносовъ. При чисткѣ каналовъ, главное вниманіе обращается на углубленіе каналовъ и суживаніе ихъ; вынутый песокъ обыкновенно укладывается по обоимъ берегамъ каналовъ, которые, такимъ образомъ, представляютъ длинную гряду насыпей, своею тѣнью защищающихъ драгоценную влагу отъ палящихъ лучей солнца. Впрочемъ, обнесенные окопами каналы представляютъ весьма значительныя затрудненія для передвиженія по странѣ, такъ какъ на одной станціи приходится переправляться че-

резъ десятки такихъ каналовъ, ибо мосты чрезъ нихъ совершенно ненадежны.

Рѣка Нарынъ имѣетъ характеръ большаго горнаго протока, принимающаго въ себя множество ручьевъ и рѣчекъ, сбѣгающихъ съ снѣговыхъ вершинъ горъ. По соединеніи съ Джумгаломъ, получивъ названіе Сыръ-Дарья, она течетъ весьма быстро между высокими и обрывистыми берегами до гор. Намангана и здѣсь вступаетъ въ долину Ферганы.

Вообще свѣдѣнія о верхнемъ теченіи Сыръ-Дарьи весьма неполны: по распроснымъ показаніямъ, въ предѣлахъ Кокана ширина Сыръ-Дарьи измѣняется отъ 50 до 200 саж. и такъ глубока, что не имѣетъ нигдѣ большихъ отмелей и бродовъ, а потому, вѣроятно, вполне судоходна на всемъ протяженіи Кокана. Тѣмъ не менѣе, судоходства въ Коканѣ не существуетъ, а для переправы употребляются плоскодонныя барки или паромы, на которыхъ помѣщается до 300 барановъ, или соотвѣтствующее число лошадей. Самая переправа производится весьма оригинальнымъ способомъ: къ лодкамъ привязываютъ отъ трехъ до шести лошадей, которыя, переплывая рѣку, перетаскиваютъ ихъ за собою. По долину Ферганы, Сыръ-Дарья безпрестанно раздѣляется на рукава, образуя песчаные отмели, которыя, по всей вѣроятности, надо приписать сильнымъ вѣтрамъ, господствующимъ въ странѣ и образующимъ песчаные наносы, часто измѣняющіе ложе рѣки; кромѣ того, въ нее, какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны, сбѣгаетъ множество горныхъ ручьевъ (саи), служащихъ для орошенія полей и замѣняющихъ искусственные каналы, устройство и чистка которыхъ стоитъ жителямъ въ другихъ частяхъ средней Азіи немовѣрныхъ трудовъ и усилій.

Громады горъ, окружающихъ ханство, по высотѣ и крутизнѣ своихъ скатовъ, представляютъ весьма трудные доступы, частью же вовсе неприступны (*). Караванные пути пролегаютъ только по двумъ направленіямъ: чрезъ горы Курамы на Ташкентъ и Ходжентъ, и чрезъ Терекъ-Тау на Кашгаръ. Остальныя горныя дороги могутъ служить лишь для одиночныхъ всадниковъ, или для прохода табуновъ кочующихъ киргизовъ. Растительность на этихъ горахъ имѣетъ характеръ обыкновенной альпійской флоры и; измѣняясь въ перпендикулярномъ направленіи, переходитъ отъ южной, почти тропической, растительности у подошвы, до голыхъ скалъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. На склонахъ и въ долинахъ, по которымъ во множествѣ сбѣгаютъ горныя ручьи, встрѣчаются мѣстами пастбищныя мѣста и

(*) Вершины ихъ достигаютъ 15—17 тысячъ футовъ.

мозжевелиникъ; лѣсъ ростъ тѣ только по сѣвернымъ склонамъ Кашгаръ-Давана (*).

Есть вѣроятность предполагать, что горы ханства изобилуютъ всякаго рода минеральными богатствами. Достовернымъ можно считать показаніе о присутствіи въ Коканѣ каменнаго угля: промышленникъ нашъ, г. Колесниковъ, нашелъ въ долинѣ Исфары обширные пласты каменноугольной формации. Нефть находится во многихъ мѣстахъ и въ сторонѣ Намангана, и въ сторонѣ Андиджана; есть нефтяные источники и въ окрестностяхъ Исфары. Члены мисіи, посѣтившей Коканъ въ 1867 году, гг. Абдіевъ и Буняковскій, вмѣстѣ съ г. Хрѣнниковымъ, повѣреннымъ г. Первушина, осматривали нефтяной источникъ, въ пяти верстахъ отъ Канабадама. Источникъ небогатъ содержаніемъ и нефть струится изъ него въ небольшомъ количествѣ, но, тѣмъ не менѣе, жители пользуются ею въ естественномъ видѣ для освѣщенія; нерѣдко, на увеселеніяхъ, разводять огни изъ нефти. Вблизи этого источника находится сѣрный, которымъ жители пользуются, употребляя его какъ лекарство отъ различныхъ недуговъ; вода собирается въ прудъ, на берегу котораго устроена купальня. Гораздо менѣе достоверны и опредѣлительны свѣдѣнія о золотѣ и серебрѣ; это происходитъ, конечно, оттого, что коканцы стараются скрывать все, что знаютъ объ немъ. По распроснымъ свѣдѣніямъ, мѣди, свинцу и желѣза въ ханствѣ много, только руды плохо разрабатываются, по неумѣнію туземцевъ; впрочемъ, изъ мѣстнаго желѣза выдѣлываютъ котлы и другіе предметы домашней утвари. Изъ драгоценныхъ камней можно указать на сердоликъ и бирюзу. Последняя хотя далеко уступаетъ нишапурской (персидской), но все-таки цѣнится довольно-дорого мѣстными ювелирами.

Коканъ пользуется самымъ пріятнымъ и здоровымъ климатомъ; здѣсь нѣтъ тѣхъ удушливыхъ лѣтнихъ жаровъ, которые встрѣчаются въ нижнихъ частяхъ Сыра и Аму-Дарьи. Въ долинѣ Ферганы, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими хребтами, зима начинается весьма поздно и снѣгъ почти вовсе не выпадаетъ, но, по мѣрѣ приближенія къ горамъ и къ ихъ снѣговымъ вершинамъ, климатъ становится все болѣе и болѣе суровымъ; великолѣпная южная растительность долины

(*). На картахъ страны и въ географическихъ сочиненіяхъ указываются цѣлыя длинныя хребты горъ, имѣющихъ общія названія, напримѣръ: Кыргызъ-Алатау, Утакъ-Тау, Су-Самиръ и проч.

Въ дѣйствительности же общія названія хребтовъ у азіатскихъ народовъ не встрѣчается. Жители горъ называютъ извѣстное пространство именемъ горнаго прохода, той или другой рѣчки, или именемъ горной вершины. Эти названія ошибочно принимаются нами за общія названія хребтовъ.

постепенно смѣняется лѣтними пастбищами, затѣмъ альпійскою флорою и, наконецъ, скалами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ или ледниками. Къ числу неблагоприятныхъ климатическихъ условій страны надо отнести постоянно дующіе здѣсь вѣтры, имѣющіе обыкновенно юго-западное направленіе и поднимающіе цѣлыя тучи песку, съ побережья въ Дарьи, которымъ часто засыпаются поля, арыки и даже дома (*).

Что касается до почвы Кокана и ея производительности, то можно положительно сказать, что, въ этомъ отношеніи, съ Коканомъ не можетъ соперничать ни одна мѣстность изъ всѣхъ средне-азіатскихъ ханствъ. Достоинства самой почвы увеличиваются здѣсь еще вслѣдствіе легкости и удобства орошенія полей, для чего, въ предѣлахъ Коканскаго ханства, служатъ не искусственные каналы, а горные ручьи (саи), сбѣгающіе съ окружающихъ возвышенностей. Вслѣдствіе этого, въ Коканѣ произрастаютъ не только различные хлѣба и кормовыя травы, какъ-то пшеница, ячмень, просо, сорго и клеверъ, созрѣвающіе два раза въ годъ, но и самыя нѣжные фрукты и плоды, а также и другія растенія, принадлежащія тропическому поясу. Хлопокъ, шелковичное дерево, виноградъ превосходныхъ сортовъ, марена, табакъ и проч., даютъ обильные урожаи. Впрочемъ, не слѣдуетъ полагать, что Коканское ханство обработано на всемъ своемъ пространствѣ, и что дѣятельность почвы вызвана повсюду; напротивъ, воздѣланныя мѣстности или группируются оазисами вокругъ большихъ городовъ, или тянутся узкою нитью вдоль большихъ дорогъ, связывающихъ центры государства; остальные же мѣста представляютъ пустыя, часто песчаныя пространства, тишина которыхъ нарушается, лишь изрѣдка, кочевниками. Въ этомъ смыслѣ, къ Кокану можно

(*). Чтобы дать понятіе о климатѣ Кокана, приводимъ таблицу метеорологическихъ наблюденій произведенныхъ въ Ходжентѣ, сообщенную А. И. Макшеевымъ въ статьѣ, представленной въ Русское Географическое Общество подъ заглавіемъ: „Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ“.

Въ Ходжентѣ, по мѣстнымъ условіямъ ближе всего подходящимъ къ Кокану, средняя температура оказывается слѣдующая:

1866 года ноября . . .	+	8 ₁₄
— — декабря . . .	+	2 ₇₂
1867 — января . . .	+	1 ₉₅
— — марта . . .	+	9 ₈₁
— — апрѣля . . .	+	14 ₁₀₄
— — мая . . .	+	18 ₁₀₂
— — іюня . . .	+	23 ₁₀₅
— — іюля . . .	+	24 ₁₄₃
— — августа . . .	+	23 ₁₁₇

вполнѣ примѣнить туземное выраженіе, сравнивающее его съ алмазомъ въ песчаной оправѣ.

Народонаселеніе ханства, раздѣляясь на осѣдлое и кочевое, принадлежитъ къ тремъ главнымъ племенамъ: къ узбекамъ, сартамъ и киргизамъ.

Узбеки, тюркскаго происхожденія, считаются въ Коканѣ господствующимъ племенемъ и живутъ большею частью осѣдло. Коканскіе узбеки почти совершенно утратили свой воинственный характеръ, которымъ еще отличаются соплеменники ихъ въ Хивѣ и Бухарѣ. *Сарты*, коренные обитатели Турана, составляютъ городской и промышленный классъ; они живутъ сплошнымъ населеніемъ въ западныхъ частяхъ ханства и говорятъ довольно-чистымъ персидскимъ языкомъ. Въ горахъ живутъ *голаи* (черные сарты), ежегодно спускающиеся съ своихъ горъ, для заработковъ, въ долину Ферганы. Къ *киргизскому* населенію относятся *кара-киргизы* или *буруты*, т. е. черные или дикокаменные киргизы, большая часть которыхъ, для защиты себя отъ поборовъ и притѣсненій коканцевъ и отъ баранты своихъ же враждебныхъ родовъ, поступила въ подданство Россіи. Впрочемъ, кара-киргизы, кочующіе къ югу отъ Сыръ-Дарьи, отличаются воинственнымъ характеромъ, а потому не только сохранили свою независимость, но нынѣ приобрѣли даже господствующее вліяніе въ ханствѣ. Главное значеніе южныхъ кара-киргизовъ, въ отношеніи къ Кокану, заключается въ томъ, что они владѣютъ горными проходами, ведущими въ Кашгаръ. Обстоятельство это заставляетъ коканскихъ хановъ дорогою цѣною покупать ихъ добровольное подданство и содѣйствіе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, враждебныя къ нимъ отношенія, повели бы къ немедленному прекращенію всякихъ сношеній Кокана съ Кашгаромъ и Китаемъ. *Кипчаки* — воинственное племя, управлявшее ханствомъ болѣе шестнадцати лѣтъ — въ 1853 году были почти окончательно истреблены возставшими противъ нихъ сартами. *Киргизъ-кайсаки* большею частію находятся въ подданствѣ Россіи.

Затѣмъ въ Коканѣ встрѣчаются въ незначительномъ числѣ инородцы, преимущественно торговые люди: бухарцы, авганы, индусы и евреи. Послѣдніе въ большомъ презрѣніи у туземцевъ. Авганы и индусы всѣ ростовщики и живутъ въ большихъ городахъ.

Все осѣдлое населеніе ханства группируется на пространствахъ развѣ немногимъ болѣе 150 верстъ отъ запада къ востоку; впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что въ точности неизвѣстно, гдѣ именно вверху по Дарьѣ и ея притокамъ кончается осѣдлое населеніе сар-

товъ и начинаются кочевья кара-киргизовъ. По Нарыну, выше Намангана, уже нѣтъ осѣдлыхъ поселеній. Вѣроятно, еще меньше 150 верстъ будетъ осѣдлая полоса, если измѣрять ее съ сѣвера на югъ.

Что касается до кочеваго населенія, то свѣдѣній о немъ почти совсѣмъ не имѣется и только приблизительно можно указать мѣста кочевогъ того или другаго племени.

Изъ вышесказаннаго можно убѣдиться, какъ трудно составить понятіе объ общей численности населенія ханства. Полагаютъ, что осѣдлое населеніе можно считать между 350—600 тысячъ. Число кочевниковъ, вѣроятно, не превосходитъ 200,000. Общая же численность колеблется между 600 и 800 тысячъ и, вѣроятно, не доходитъ до миліона (*).

Города ханства, какъ выше было замѣчено, сосредоточиваются около себя большую часть осѣдлаго населенія; изъ нихъ столица и важнѣйшій городъ по населенію и торговымъ оборотамъ — Коканъ. О «прелестномъ» Коканѣ, по офиціальному выраженію (Метифи-Коканъ), мы можемъ сообщить нѣсколько подробностей, почерпнутыхъ изъ записокъ составленныхъ нѣкоторыми лицами торговой мисіи, посѣтившей столицу ханства въ 1867—1868 годахъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что такой важный городъ, какъ Коканъ, построенъ не на самой Дарьѣ, а верстахъ въ 20 отъ нея (по кратчайшему направленію). Это объясняется песчаною почвой, составляющей берегъ рѣки. Кромѣ того, значеніе азіатскихъ городовъ и деревень по большей части земледѣльческое, да и города безъ садовъ для азіатца невозможны. Къ тому же рѣки въ средней Азій далеко не имѣютъ того значенія, какъ въ Европѣ; по крайней мѣрѣ на Сыръ-Дарьѣ азіатскаго судоходства нѣтъ; нѣтъ даже рыболовства.

Коканцы говорятъ, что столица ихъ построена при Сауръ-ханѣ, 160 лѣтъ тому назадъ. Но ошибочность этого показанія доказывается деревьями въ садахъ Кокана, изъ которыхъ многіе считаютъ по нѣсколькѣ вѣковъ существованія. Вѣроятнѣе, что при Сауръ-ханѣ столица была перенесена въ Коканъ изъ Андиждана, гдѣ она была до тѣхъ поръ. Коканъ построенъ на мѣстѣ совершенно ровномъ, такъ что по первому взгляду весьма трудно судить о его фигурѣ и величинѣ; можно догадываться однако, что онъ представляетъ почти

(* По свѣдѣніямъ „Военно-Статистическаго Сборника“ (томъ III), составленнаго подъ редакцію г.-м. Обручева, общее число жителей подвластныхъ коканскому хану простирается до 500,000.

круглую фигуру, въ діаметрѣ имѣющую около 5 верстѣ. Весь городъ обнесенъ стѣною, внѣ которой, верстѣ на 12, а мѣстами и далѣе, находятся деревни, сады и поля, изрѣзанныя арыками и раздѣленные на площадки обсаженные деревьями, преимущественно таломъ.

Числительность населенія, по показанію коканцевъ, увеличилась въ настоящее время отъ большаго числа бѣжавшихъ сюда изъ Ташкента, Ходжента и другихъ городовъ, взятыхъ нами. Примѣрно можно оцѣнить населеніе этого города отъ 20,000 до 30,000 душъ; между тѣмъ, по показаніямъ жителей, въ немъ находится 20,000 домовъ и 80,000 жителей. Такая разница происходитъ отъ того, что азіяты, на вопросъ: сколько жителей находится въ томъ или другомъ городѣ, всегда даютъ цифру города и относящихся къ нему деревень. Этимъ объясняются наши грубыя ошибки при опредѣленіи числа жителей въ разныхъ городахъ (*).

Коканъ расположенъ на трехъ протокахъ рѣчки Туль. Два протока, Катта-Сай и Кички-Сай, соединяются внутри города протокомъ Кара-Су. Рѣчки эти текутъ въ глубокихъ оврагахъ и доставляютъ обильное орошеніе городу; весною онѣ въ особенности сильно играютъ и сносятся мосты. Гигіеническія свойства воды въ этихъ ручьяхъ не хороши: говорятъ, что отъ таянія снѣговъ въ декабрѣ и январѣ она производитъ зобы, которыхъ между жителями насчитываютъ до 2,000, а считая на глазъ еще больше. Колодцевъ въ городѣ нѣтъ, но, по словамъ одного русскаго, живущаго въ Ташкентѣ, гдѣ ни копни, тутъ и вода. По общимъ отзывамъ, на аршинъ глубины уже встрѣчаются водяныя жилы, что служитъ отчасти причиною отсутствія погребовъ, которыхъ почти нѣтъ, и нѣкотораго неудобства отхожихъ мѣстъ, резервуары которыхъ значительно углублять нельзя.

Городъ построенъ гораздо лучше всѣхъ азіятскихъ городовъ занятыхъ русскими, и даже отличается нѣкоторою опрятностью: улицы чистыя, широкія; нерѣдко, по срединѣ улицы и съ обѣихъ ея сторонъ, идутъ дорожки, въ родѣ бульваровъ, обсаженные деревьями въ нѣсколько рядовъ. Постройка домовъ довольно тщательна; много

	Считалось жителей.	Оказывается.
(*) Такъ, напримѣръ: въ Туркестанѣ . . .	10,000	1,500
— Чимкентѣ . . .	30,000	3,000—4,000
— Ташкентѣ . . .	200,000	40,000—50,000
— Ходжентѣ . . .	45,000	8,000—12,000
— Кашгарѣ . . .	150,000	5,000—12,000

Въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“ цифра населенія Кокана показана въ 40,000.

зданій изъ жженаго кирпича. Но что особенно красить городъ—это вѣковыя деревья, карагачи, доходящія до сажени въ поперечникѣ и разбросанныя тамъ и сямъ между строеніями и мечетями.

Въ центрѣ города, по обычаю Востока, помѣщается *урда*—цитадель, служащая, вмѣстѣ съ тѣмъ, дворцомъ для хана и его двора. Коканская урда, построенная Алимъ-Куломъ, представляетъ прочное, довольно высокое строеніе изъ жженаго кирпича, расположенное на небольшомъ насыпанномъ холмѣ. Къ главнымъ воротамъ, отличающимся необыкновенно—искусною и красивою рѣзбою по дереву, ведетъ пологая каменная лѣстница. Вся внутренность урды обстроена саклями, занятыми дворомъ хана и сарбазами. Урда есть укрѣпленіе построенное отнюдь не для защиты города, а для личной защиты хана, который, опираясь на нее и на преданныхъ сарбазовъ, можетъ безнаказанно предаваться всѣмъ неистовствамъ деспотизма. Но, несмотря на эти мѣры, принимаемыя азіятскими повелителями, жизнь ихъ далеко не находится въ безопасности, что доказывается исторіею средне-азіятскихъ государствъ, представляющею непрерывный рядъ убійствъ и заговоровъ противъ власти. Ханы понимаютъ это и принимаютъ всѣ мѣры для огражденія своей особы: у главныхъ воротъ урды стоитъ караулъ изъ сарбазовъ, отъ котораго ночью выставляются часовые, обязанные всю ночь, не переставая ни на одну минуту, наигрывать на свирѣли; странно, что они наигрываютъ весьма извѣстную въ Россіи еврейскую мелодію. Крімъ того, для обороны особы хана назначается особое лицо, изъ самыхъ приближенныхъ; въ настоящее время, эту обязанность исполняетъ начальникъ пѣхоты и артилеріи, нѣкто Атабекъ, обязанный нѣсколько разъ въ теченіе ночи обойти урду дозоромъ, да и самъ ханъ рѣдкую ночь не исполняетъ того же самаго.

Изъ другихъ строеній Кокана поражаетъ огромностью своего размѣра медресе Мадъ-али-хана, представляющее высокую двухэтажную постройку квадратной формы, сажень по 60 въ боку, съ башнями по угламъ. Въ этомъ училищѣ, подобнаго которому по величинѣ нѣтъ ни въ Ташкентѣ, ни въ другихъ городахъ, обучается, по показаніямъ туземцевъ, до 1,000 муллъ (*).

Мечеть Омаръ-хана не имѣетъ вовсе фасада на улицу, только высокая кирпичная стѣна тянется саженой болѣе чѣмъ на сто. Надо войти во дворъ, чтобы оцѣнить всю красоту постройки, состоящей изъ длинныхъ крытыхъ галерей, поддерживаемыхъ рѣзными деревянными столбами; потолокъ и стѣны галерей изящно разрисованы.

(*) Показаніе это надо считать весьма преувеличеннымъ.

Говоря о постройкахъ, нельзя не упомянуть также о каменномъ мостѣ на сводахъ, перекинутомъ чрезъ одинъ изъ овраговъ, прорѣзывающихъ городъ (Катта-Сай); мостъ хорошей постройки и весьма широкъ; по обѣимъ сторонамъ его построены лавки.

Не безъ удовольствія встрѣчается здѣсь русскій съ нѣсколькими частными домами, напоминающими совершенно русскую обстановку и русскій комфортъ и дающими намекъ на тѣ мирныя завоеванія, которыя предстоятъ русской цивилизаціи въ этомъ отдаленномъ краю. Дома эти принадлежатъ нѣкоторымъ коканцамъ, хорошо знакомымъ съ Россіею по своимъ торговымъ дѣламъ, заставляющимъ ихъ не разъ посѣщать наши восточные торговые центры. Въ этихъ домахъ имѣются большія окна и двери съ мѣднымъ, хорошей работы, приборомъ, печи, зеркала, самоваръ и другія мелочи европейскаго вкуса, которыя такъ приятно встрѣгитъ въ азіятской средѣ, рсточающей столько проклятій и угрозъ всему исходящему отъ невѣрныхъ. Можно догадываться что должны были перенести хозяева такихъ домовъ за свои европейскія привычки, и сколько твердости надо для того, чтобы не уступить невѣжеству и не разстаться съ оцѣненнымъ комфортомъ.

Коканскій базаръ, по величинѣ, чистотѣ и хорошему устройству, далеко превосходитъ ташкентскій; онъ покрытъ высокою деревянною крышею, свободно пропускающею воздухъ, что препятствуетъ распространенію зловонія и миазмовъ. Коканскій базаръ построенъ теперешнимъ ханомъ, получающимъ съ него доходъ съ отдачи лавокъ въ наймы. Всѣхъ лавокъ въ Коканѣ насчитываютъ до 420.

Городъ дѣлится на 12 частей, по числу воротъ, находящихся въ городской стѣнѣ; въ каждой части считается по 50 мечетей—показаніе несомнѣнно преувеличенное. Кромѣ того, насчитываютъ въ Коканѣ 15 большихъ караванъ-сараявъ и нѣсколько малыхъ.

Весь городъ обнесенъ стѣною въ $3\frac{1}{2}$ —4 сажени вышины и въ 5 сажень толщиною, которая, несмотря на эти размѣры, не можетъ оказать въ оборонительномъ смыслѣ серьезнаго сопротивленія, отчасти по своей обширности, отчасти по доступности своей во многихъ мѣстахъ, вслѣдствіе обваловъ. Болѣе серьезную защиту для Кокана представляютъ его рвы, хотя и непревосходящіе 4 аршинъ въ глубину и ширину, но облегающіе городъ мѣстами въ 2 и 3 ряда и легко-могущіе быть наполненными быстро-текущею водою изъ городскихъ овраговъ.

Изъ другихъ городовъ упомянемъ слѣдующіе:

Анджана (Андиджанъ)—бывшая столица ханства, построенъ на весьма красивой мѣстности, въ 3 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи; имѣть

20,000 жителей и 1,000 чел. гарнизона. Въ настоящее время этотъ городъ имѣетъ весьма важное значеніе, на случай войны съ Кашгаромъ, которая можетъ весьма легко состояться; говорятъ, его гарнизонъ и склады запасовъ значительно увеличены. Недалеко отъ Анджана находится небольшой городокъ Шагръ-Ханъ, съ 1,000 жителей.

Мареланъ—главный центръ шелковаго производства въ сыромъ видѣ и въ тканяхъ; имѣетъ обширные сады и 12,000 жителей.

Наманганъ—принадлежитъ къ лучшимъ городамъ ханства и имѣетъ до 15,000 жителей. Онъ расположенъ на арыкѣ, выходящемъ изъ Нарына, и на притокѣ Нарына—Пашета; рѣчки же Намангана, показываемой на картахъ, не существуетъ. Мѣстность вокругъ отличается живописностью, густо заселена и хорошо обработана; много деревень и садовъ. Въ окрестностяхъ, говорятъ, добывается золото. Кромѣ торговаго и промышленнаго значенія, городъ имѣетъ и военное, вслѣдствіе того, что тамъ выдѣлываютъ ружья и клинки, которые пользуются хорошою репутаціею. Какъ городъ исключительно торговый и связанный поэтому съ Россіею, Наманганъ, кажется, не смотритъ на наши успѣхи въ Азіи такъ фанатически враждебно, какъ другіе города.

Ушъ, небольшой городокъ припертый къ горамъ, имѣетъ старинную крѣпость и два медресе; водою пользуется изъ двухъ горныхъ ручьевъ: одинъ изъ нихъ, по имени Алтынъ-Казыкъ, какъ-будто указываетъ на присутствіе золота.

Тузъ, значительный городъ, примѣрно съ Ходжентъ; управляется особымъ бекомъ.

Исфара, небольшой городокъ, расположенный въ богатой и населенной долиинѣ, образуемой р. Исфара.

Исманы, лежитъ на Акъ-Су, пересекающемъ каменистую гряду, ограничивающую съ юга Коканское ханство. Здѣсь есть перевалы въ Заравшанскую долину, лѣтомъ доступные для верблюдовъ.

Каньбадашъ, по дорогѣ изъ Кокана въ Ходжентъ; 4,000—5,000 жителей; замѣчательнъ фруктовыми садами и разведеніемъ шелковичныхъ червей.

Маарамъ, крѣпость, которой коканцы придаютъ весьма важное значеніе; лежитъ на Дарѣ и представляетъ продолговатый четырехугольникъ, обнесенный стѣнами, изъ которыхъ одна, обращенная къ Ходженту, открыта, а другія прилегаютъ къ селеніямъ и садамъ; при постройкѣ этого укрѣпленія коканцы, какъ видно, пользовались уроками полученными отъ насъ въ военномъ искусствѣ. Замѣтивъ, что

обширныя крѣпости ихъ не могутъ оказать намъ долгаго сопротивленія и требуютъ огромнаго гарнизона, и что всѣхъ упорнѣе держался, небольшой по размѣрамъ, Ниязбекъ, они дали Маараму весьма незначительные размѣры: длинный фасъ имѣеть 100 — 150 сажень длины; короткій вдвое меньше; по угламъ и въ серединѣ фасовъ расположены башни; стѣна вышиною и толщиною въ 5 сажень, безъ зубцовъ, вѣроятно для того, чтобы разрушеніе ихъ выстрѣлами не способствовало эскаладѣ; ровъ имѣеть не менѣе 10 арш. глубины.

Кромѣ этихъ городовъ, можно еще назвать нѣкоторые, извѣстные лишь по имени: *Узень, Сока, Ляйлякъ и Кассанъ*. Впрочемъ, всѣ они невелики и, кажется, не особенно замѣчательны.

Пути сообщенія въ Коканѣ, по отсутствію степей и вслѣдствіе повсемѣстнаго обилія кормовъ и воды, представляютъ болѣе удобства для движенія, нежели въ Бухарѣ и Хивѣ. Тѣмъ не менѣе, въ дождливое время и въ гористыхъ мѣстахъ, дороги въ ханствѣ бываютъ весьма затруднительны, особенно на частыхъ переправахъ черезъ рѣчки или саи и арыки, на которыхъ нигдѣ не существуетъ мостовъ.

Для переѣздовъ и перевозки тяжестей на недалнія разстоянія употребляются преимущественно ишани, которыхъ вьючатъ или впрягаютъ въ арбы, неуклюжія двухколесныя телѣги, только съ недавняго времени вошедшія здѣсь въ употребленіе. Обыкновенная тяжесть ноши ишака 4 — 5 пудовъ; но, при недалнихъ переходахъ, онъ выдерживаетъ и двойную тяжесть. Для караванныхъ перевозокъ употребляются исключительно двугорбые верблюды, нанимаемые у кочевыхъ племенъ; обыкновенная тяжесть верблюжьяго вьюка не превышаетъ 16 пудовъ. На лошадяхъ, за предѣлы ханства, отправляютъ товары только на недалнія разстоянія и по гористой дорогѣ въ Кашгаръ.

Важнѣйшіе пути, поддерживающіе промышленную и торговую жизнь ханства, суть тѣ, которыя соединяютъ наши владѣнія, Бухару и Авганистанъ съ Восточнымъ Туркестаномъ и Кашгаромъ. Такихъ путей два: изъ Самарканда и Дизака на Ходжентъ, Коканъ и Терекъ-даванское ущелье въ Кашгаръ, и изъ Ташкента, правымъ берегомъ Дарьи, въ Наманганъ. Кромѣ этихъ путей существуютъ еще прямыя сообщенія между Ташкентомъ и Коканомъ, числомъ три. Одинъ путь, самый дальній, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый удобный и доступный во всякое время года, идетъ на Ходжентъ. Другой путь идетъ на Керучи и Джамбулакъ, и хотя представляетъ удобства для движенія повозокъ, ибо не пересѣкается арыками, но за то на немъ не встрѣчается ни жилья, ни топлива. Наконецъ третій путь, самый крат-

чайшій, идетъ черезъ Кендыръ-даванскій перевалъ. Вотъ нѣсколько подробностей о немъ. Изъ Ташкента дорога идетъ на Тай-Тюбя и Теляу по легкому подъему и на 14 верстѣ входитъ въ Кендырское или Кошъ-рабатское ущелье, имѣющее сначала сажень 70 ширины и суживающееся у Кошъ-Рабата до 20. Отъ этой деревни подъемъ становится все круче и круче, и еще болѣе суживается, образуя, наконецъ, ворота сажени въ 1½ шириною, черезъ которыя течетъ ручей съ весьма сильнымъ паденіемъ; черезъ него устроены мостики. Съ вершины перевала открывается великолѣпная панорама въ обѣ стороны: на долину Ангрена къ западу и на громадныя массы Тянь-Шаня къ востоку. Ущелье по обѣимъ сторонамъ покрыто лѣсомъ, хотя и не сплошнымъ, но состоящимъ изъ большихъ деревьевъ растущихъ отдѣльно, въ нѣсколькихъ сажняхъ разстоянія одно отъ другаго. Далѣе по этому пути встрѣчается еще одно узкое скалистое ущелье Кумбиль (каменный поясъ), и затѣмъ дорога вступаетъ въ мѣстность, переходящую изъ живописной и воздѣланной природы горъ и долинъ въ каменистую степь. Затѣмъ дорога подходит къ Дарьѣ, къ переправѣ у Чильмаграма, и направляется прямо къ Кокану, по мѣрѣ приближенія къ которому мѣстность рѣзко измѣняется, переходя изъ бесплодной степи къ воздѣланнымъ и орошеннымъ полямъ, расположеннымъ на прекрасной почвѣ, изъ глинистаго чернозема. Караваны проходятъ означенный путь, смотря по состоянію дороги, въ 5 — 7 дней; товары перевозятся на лошадяхъ и верблюдахъ; провозная цѣна около 12 кокановъ (двугривенныхъ) съ верблюда и 10 кокановъ съ лошади.

Изъ Кокана въ Бухару караваны ходятъ около 23 дней, по пути довольно удобному и сплошь-идушему по заселеннымъ мѣстамъ. Изъ Кокана въ Кашгаръ караванный путь пролегаетъ черезъ города Маргеланъ, Ушъ, Анджанъ, и затѣмъ, черезъ извѣстный теректинскій проходъ, вступаетъ въ предѣлы восточнаго Туркестана. По этому направленію, постоянно оживленному торговою дѣятельностью, происходили сношенія Средней Азіи съ Китаемъ въ самыя отдаленныя времена. Теректинскій путь на всемъ протяженіи изобилуетъ кормомъ, топливомъ и водою. Разстояніе Кокана отъ Кашгара считается въ 450—500 верстѣ или 12—20 дней хода. Налегкѣ, верхомъ, въ Кашгаръ изъ Кокана поспѣваютъ на седьмой день. Перевозка тяжестей, по затруднительности движенія по горамъ, производится исключительно на лошадяхъ; на каждую полагается вьюкъ въ 8 пудовъ.

II.

Сельское хозяйство.—Хлѣба, фрукты, овощи.—Шелководство, хлопокъ.—Красильныя растенія и табакъ.—Промышленность.—Добываніе и разработка металовъ.—Ткани.—Торговля.—Ввозъ и вывозъ.—Незначительность торговаго оборота Кокана.—Причины.—Будущность коканской торговли.—Соперничество англо-индійскихъ произведеній.—Характеръ туземной торговли.—Кредитъ.—Должность караванъ-баши.—Торговныя обязательства заключенныя съ Коканомъ въ 1868 году.—

Нѣсколько словъ о саунахъ ханства.

Выше было замѣчено, что благопріятныя климатическія и географическія условія, легкость орошенія полей и природное богатство почвы, даютъ полную возможность развитія сельскаго хозяйства въ ханствѣ. Тѣмъ не менѣе обработка полей производится жителями самымъ небрежнымъ, первобытнымъ способомъ, да кромѣ того остается много пустой, невоздѣланной земли, составляющей еще нетронутое богатство края. Съ этой точки зрѣнія, Средней Азіи вообще, вѣроятно, предстоитъ играть весьма важную роль въ будущемъ и занять самое видное мѣсто между странами отдаленнаго Востока; но это будетъ тогда, по справедливому замѣчанію Вамбери, «когда лучи европейской цивилизаціи высушатъ грязь жалкихъ общественныхъ условій, и когда великія пріобрѣтенія нашего вѣка въ области науки, промышленности и сельскаго хозяйства пробьютъ себѣ дорогу въ эти благодатныя по природѣ страны. Понятно, что не бѣдность окружающей природы, а разбои, войны и убійства и безобразіе общественнаго и государственнаго строя превращаютъ въ пустыни берега Оксуса и Ягсарта».

Поля въ Коканѣ, принадлежащія частнымъ лицамъ, не бываютъ обширны, ибо требуютъ ухода, орошенія и расчистки каналовъ; для обработки ихъ нанимается бѣднѣйшій классъ туземцевъ, а иногда независимые горные сарты, ежегодно спускающіеся съ горъ въ долину Ферганы. Средняя плата работникамъ отъ 5 до 7 тиллей въ годъ (*).

Хлѣбъ въ Коканѣ посѣвается два раза въ годъ; урожай, если ихъ не уничтожаетъ засуха и не съѣдаетъ кобылка, бываютъ весьма обильны. По свидѣтельству Вамбери, лучшія земли даютъ на *тананъ* ($\frac{3}{8}$ нашей казенной десятины, 900 квадратныхъ сажень) 100 пудовъ хлѣба, худшія же ни въ какомъ случаѣ не меньше 60 пудовъ.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ здѣсь сѣютъ преимущественно *пшеницу*, которой насчитывается четыре сорта. Посѣвъ начинается въ мартѣ, а въ іюнѣ пшеницу уже снимаютъ и на ту же землю снова сѣютъ обыкновенно просо, иногда ячмень или даже *опять пшеницу*. Сред-

(*) Тилля, золотая монета; на наши деньги 3 р. 80 к. с.

няя цѣна пшеницы въ Коканѣ была 20 — 30 к. с. за пудъ; въ Ташкентѣ теперь не дороже 50—60 к.

Ячмень въ Коканѣ, какъ и вообще въ Средней Азіи, не такъ хорошъ, какъ, напримѣръ, въ Персіи, и идетъ исключительно на кормъ лошадямъ; продается 10 — 15 к. с. за пудъ; въ Ташкентѣ 40 к. *Просо* употребляется жителями Кокана въ пищу; изъ него приготовляютъ кашу и *бузу*; продается по 10 к. за пудъ. *Рисъ* растетъ здѣсь въ изобиліи, и хотя онъ много хуже гератскаго, но вообще удовлетворительнаго качества и составляетъ любимую пищу всѣхъ азіатцевъ; цѣна до 50 к. за пудъ; въ Ташкентѣ 1 р. 10 к. *Кукуруза* и *сорго* разводятся въ незначительномъ количествѣ и употребляются въ пищу бѣднѣйшимъ классомъ населенія и киргизами; сорго считается также отличнымъ кормомъ для жеребятъ, ибо оно, при значительной питательности, менѣе горючитъ, нежели ячмень. *Клеверъ* засѣвается весной и осенью и снимается четыре раза въ годъ; онъ продается обыкновенно снопами въ 10 фунтовъ каждый, за двѣ или четыре коп. с., и идетъ на кормъ лошадямъ и скотинѣ. Изъ стручковыхъ плодовъ, кромѣ извѣстныхъ въ Европѣ гороха, бобовъ и чечевицы, здѣсь растутъ еще нѣкоторыя ихъ разновидности, какъ, напримѣръ, *кокакъ*, въ родѣ чечевицы, и *маишъ*, похожій на сорго.

Кромѣ этихъ хлѣбовъ, Коканъ производитъ слѣдующія цѣнныя растенія:

Хлопокъ растетъ и выдѣлывается на всемъ пространствѣ ханства, хотя преимущественно въ окрестностяхъ города Кокана и по теченію Дарьи, выше его. Коканскій хлопокъ травяной, однолѣтній и годець, какъ говорятъ, только для ручнаго пряденія и приготовленія грубыхъ тканей; впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ продуктъ неминуемо долженъ улучшиться, если приложить къ нему лучшій способъ воздѣлыванія и усовершенствованныя европейскія машины, употребляемыя для его очистки и упаковки. Вообще среднеазіатскій хлопокъ имѣетъ будущность, какъ на основаніи вышесказаннаго соображенія, такъ, тѣмъ болѣе, потому, что для воздѣлыванія его не требуется ни искусственнаго орошенія, ни большаго ухода; дожди и сырость считаются положительно вредными для этого растенія; подъ него обыкновенно выбираютъ сухую, жесткую почву, которую вспахиваютъ только одинъ разъ и затѣмъ засѣваютъ.

Коканскій хлопокъ употребляется преимущественно на мѣстѣ для выдѣлки бумажныхъ и полубумажныхъ тканей, но этого потребленія нѣтъ никакой возможности опредѣлить даже приблизительно; во

всякомъ случаѣ оно весьма велико. Въ сыромъ видѣ хлопокъ вывозится исключительно въ Россію, черезъ Ташкентъ. Цифра вывоза значительно увеличивается въ послѣднее время и представляетъ слѣдующую прогрессію:

Въ 1862 году вывезено	39 пудовъ на сумму	160 р. с.
— 1864 —	?	122 —
— 1865 —	140 —	1,680 —
— 1866 —	32,577 —	324,136 —
— 1867 —	112,000 —	?

Послѣдняя цифра основана на томъ, что въ 1867 году изъ Кокана отправлено было 7,000 верблюдовъ съ хлопкомъ; она опровергаетъ мнѣніе, распространенное въ здѣшнемъ купечествѣ, что весь сборъ хлопка въ Коканѣ не превышаетъ 50,000 пудовъ. Пудъ хлопка стоитъ на мѣстѣ, смотря по урожаю, отъ 1 р. 85 к. до 3 р. 60 к. Кромѣ хлопка въ сыромъ видѣ, изъ Кокана вывозится еще бумажная матерія «мата», которая покупается киргизами въ Наманганѣ и расходуется по степи, вымѣниваемая большею частию на барановъ. Этой матеріи расходуется въ количествѣ до 3,000 верблюдовъ, хотя, впрочемъ, она не вся принадлежитъ Кокану, а частию привозится изъ Кашгара.

Шелководство составляетъ одно изъ главныхъ занятій жителей и важнѣйшую статью коканской промышленности. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ округи коканскій и маргеланскій, въ которыхъ насчитываютъ до 800 домовъ, или, по нашему, заводовъ, для выдѣлки шелка. На этихъ заводахъ бываетъ отъ одного до трехъ станковъ; на каждомъ, при двухъ—трехъ работникахъ, выматывается отъ двухъ до пяти фунтовъ шелка въ недѣлю; чѣмъ меньше, тѣмъ выше его достоинство. Вычисляя, на основаніи этихъ данныхъ, общее количество производимаго шелка въ двухъ сказанныхъ округахъ, получимъ приблизительную цифру, равную 5,560 пудамъ шелку въ годъ. Къ сожалѣнію, о шелковой производительности другихъ округовъ свѣдѣній не имѣется, но, безъ грубой ошибки, можно предположить, что и въ нихъ выдѣлывается такое же количество. На мѣстѣ шелкъ употребляется въ незначительномъ количествѣ на женскія халаты и тубетейки, остальной же весь идетъ за границу, въ Россію, но не прямо изъ Кокана въ Ташкентъ, а черезъ Бухару, которую можно считать центромъ и главнымъ рынкомъ шелка въ Средней Азій. Все количество шелка, вывозимаго въ Бухару, оцѣниваютъ въ 10,000 пудовъ, изъ которыхъ значительная доля приходится на грубые сорта шелка, привозимаго изъ Кашгаріи. Шелководство,

вообще въ Средней Азій, процвѣтаетъ съ незапамятныхъ временъ и занесено сюда изъ Китая чрезъ Китайскую Татарію задолго до принятія страны ислама; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разведеніе шелковицы, размотка и окраска шелка находятся здѣсь въ самомъ первобытномъ состояніи. Вамбери увѣряетъ, что для размотки коконы кладутся сначала въ кипятокъ и потомъ мѣшаются вѣникомъ до тѣхъ поръ, пока отъ нихъ не отдѣлится нѣсколько нитокъ, которыя и наматываются на тотъ же вѣнигъ. Здѣшняя шелковичная ягода больше и вкуснѣе европейской, а болѣзнь шелковичныхъ червей до сихъ поръ неизвѣстна въ Средней Азій.

Съ успѣхомъ также разводятся въ Коканѣ марена, табакъ, ленъ; картофелю мало; онъ разводится бѣглыми русскими. Въ отношеніи *садоводства*, какъ по количеству, такъ и по качеству фруктовъ, Коканъ смѣло можетъ соперничать съ Бухарою. Обширные сады занимаютъ огромныя пространства внутри и въ окрестности городовъ и, производя въ изобиліи нѣжные, чрезвычайно вкусные плоды, представляютъ видъ настоящихъ лѣсовъ. Въ этихъ садахъ, кромѣ плодовыхъ деревьевъ, грушъ, сливъ, яблоковъ, вишни, винограда, персиковъ, тутовыхъ, орѣховыхъ и миндальныхъ деревьевъ, растутъ еще дубы, чинары, вязы, высокіе тополи и проч. Сушеные плоды составляютъ въ Коканѣ не малый предметъ заграничнаго отпуска, а именно: ихъ вывозятъ ежегодно до 1,500 верблюдовъ; на мѣстѣ же изъ фруктовъ приготавливаются шербеты. Изъ винограда приговляютъ вино отъ 5 до 6 р. за ведро.

Торговое значеніе Коканскаго ханства, по выгодному географическому положенію, могло бы быть весьма важно. Находясь на перекресткѣ торговыхъ путей, связывающихъ Россію и средне-азіатскія ханства съ Китаемъ, Коканъ можетъ со временемъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю транзитную торговлю центральной Азій. Чрезъ Коканъ идутъ русскіе товары, назначаемые какъ собственно для ханства, такъ и далѣе на востокъ; сюда же свозятся англійскіе и индійскіе товары. Чрезъ Кашгаръ русскіе товары могли бы направляться въ Хотанъ, Турфанъ, Аксу и т. п. И въ настоящее время коканцы отправляютъ въ Кашгаръ русское желѣзо, сталь и сукна, золото и кожи. Всѣ эти рынки со временемъ могли бы развиться и высказать спросъ, много превосходящій теперешній, чему служить доказательствомъ само Коканское ханство, въ которомъ цифра ввоза увеличилась, за послѣднія пять лѣтъ, въ 20 разъ.

Впослѣдствіи, вѣроятно, торговое значеніе Кокана обозначится яснѣе, но, въ настоящее время, торговля Кокана, какъ по ограни-

ченности потребностей жителей, такъ и вслѣдствіе постоянныхъ неурядицъ внутри его и таможенныхъ грабежей, на границахъ съ Китаемъ, далеко не соответствуетъ своему выгодному положенію и составляетъ пока весьма скудный торговый рынокъ.

Заграничная торговля ханства сосредоточивалась прежде въ городѣ Ташкентѣ, лежащемъ на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ изъ Средней Азии, западнаго Китая и Россіи, такъ что Коканъ никогда не могъ соперничать съ нимъ въ торговомъ отношеніи. Прежде, впрочемъ, Ташкентъ служилъ лишь станціею при движеніи товаровъ, отправлявшихся отсюда на сибирскую линію: въ Петропавловскъ, Семипалатинскъ и отчасти Троицкъ; теперь же торговля идетъ непосредственно между Ташкентомъ и Коканомъ съ его городами.

Предметы *вывоза* изъ ханства весьма разнообразны. Сюда принадлежатъ: хлопчатая бумага, прядская бумага, бумажныя ткани (бязи, выбойки), полушелковыя и шерстяныя матеріи, назначаемыя исключительно для сбыта киргизамъ; сухіе фрукты, мягкая рухлядь, марена, рисъ, сырыя кожи и проч. Съ 1850 по 1860 годъ включительно, ежегодный вывозъ изъ Кокана въ Россію означенныхъ товаровъ доходилъ, среднимъ числомъ, до 154,000 р. Въ пятилѣтіе же съ 1862 по 1866 годъ вывозъ увеличился въ слѣдующей прогрессіи:

Въ 1862 году.	. . .	585,188
— 1863 —	. . .	420,429
— 1864 —	. . .	352,332
— 1865 —	. . .	617,446
— 1866 —	. . .	795,500 (*)

Привозъ изъ Россіи состоитъ изъ желѣза, мѣди, чугуна, разныхъ металлическихъ издѣлій, золота въ монетѣ, изъ разныхъ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, сукна, выдѣланныхъ кожъ, сундуковъ, чая, сахара и проч. Въ десятилѣтіе съ 1850 по 1860 годъ, средняя сумма ежегоднаго привоза равнялась 83,000 р., но съ 1862 года по 1866 годъ привозъ производился въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Привезено въ Ташкентъ и Коканъ:

Въ 1862 году.	. . .	на	134,846 р.
— 1863 —	. . .	—	61,571 —
— 1864 —	. . .	—	74,250 —
— 1865 —	. . .	—	523,547 —
— 1866 —	. . .	—	3,187,124 —

(*) Подробности см: въ „Военно-Статистическомъ Сборникѣ“ за 1868 г., стр. 168.

Изъ двухъ приведенныхъ таблицъ видно, во-первыхъ, что вывозъ товаровъ изъ Ташкента и Кокана до 1865 года значительно превышалъ привозъ, и во-вторыхъ, что въ 1866 году привозъ превысилъ вывозъ сразу на огромную сумму въ 2,391,614 р. Это послѣднее обстоятельство объясняется включеніемъ въ Туркестанскую область городовъ Ташкента, Ходжента и др.

Въ вышеозначенныхъ таблицахъ показана сумма привоза и вывоза изъ Кокана и *Ташкента*; что же касается Кокана въ настоящаго предѣлахъ, то о его торговлѣ можно составить приблизительное понятіе по слѣдующимъ даннымъ. Ни одинъ караванъ, приходящій въ Коканъ, не можетъ миновать зякетъ-сарая (таможни), отдаваемого въ наймы Сарайману за 3,000 кокановъ (600 р.), съ правомъ брать съ каждаго верблюда по кокану (двугривенному). Эта арендная плата отчасти показываетъ, что ввозъ товаровъ въ Коканъ невеликъ, иначе правительство брало бы больше съ арендатора. Г. Хрѣнниковъ (*) полагаетъ, что число верблюдовъ, приходящихъ въ Коканъ, съ товарами индійскими и бухарскими, доходитъ до 2,000; съ рускими товарами столько же и до 1,000 съ кашгарскими; всего до 5,000 верблюдовъ. Эту цифру, какъ кажется, надо считать ниже дѣйствительной, ибо, по другимъ свѣдѣніямъ, одного желѣза привозится въ ханство на 1,200 верблюдахъ.

О торговыхъ оборотахъ между Коканомъ и Кашгаромъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ Коканѣ есть извозчики, исключительно занимающіеся извозомъ въ Кашгаръ и имѣющіе до 1,500 лошадей. Если предположить, что въ Кашгарѣ имѣется такое же число лошадей и что каждая лошадь можетъ, по свидѣтельству коканскихъ купцовъ, три раза совершить обратный конецъ, что выюкъ каждой лошади въ 8 пудовъ, а стоимость его приблизительно въ 50 червонцевъ, то получимъ приблизительную цифру всего торговаго оборота съ Кашгаромъ равную одному миліону.

Цѣнность вывоза, въ главнѣйшихъ предметахъ, собственно изъ Кокана, можно опредѣлить приблизительно слѣдующими цифрами:

Вывозится ежегодно:	7,000 верблюдовъ хлопка. . .	на 425,000
	10,000 пудовъ шелка.	— 260,000
	3,000 верблюдовъ «маты». . .	— 600,000
	Фруктовъ	— 35,000

Такимъ образомъ, цифру вывоза можно опредѣлить въ 1,500,000,

(*) Хорошо знакомый съ торговлею Кокана, повѣренный г. Первущина.

а общую сумму торговых оборотовъ Кокана въ 5,000,000. Изъ нихъ около 3,500,000 придется на ввозъ и около 1,500,000 на вывозъ.

Приведенныя данныя, по отсутствію всякихъ точныхъ свѣдѣній въ Коканѣ и возможности проверки ихъ, само собою разумѣется, должны считаться за приблизительныя; но, какъ бы ни была велика ошибка, все-таки можно сказать съ достовѣрностью, что, въ настоящее время, значеніе коканскихъ рынковъ совершенно ничтожно. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что всѣ купцы, привезшіе сюда въ послѣднее время товары, торгуютъ въ убытокъ—доказательство, что, несмотря на незначительность привоза, онъ уже превысилъ спросъ и составляетъ избытокъ, оставшійся за удовлетвореніемъ потребностей. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что, со временемъ, самый спросъ на наши товары долженъ увеличиться, не столько въ Коканѣ, что не такъ важно, сколько въ китайскомъ Туркестанѣ и въ прилегающихъ къ нему съ востока странахъ, если хотя сколько-нибудь облегчится движеніе каравановъ, и если наши товары успѣютъ выдержать конкуренцію съ англо-индійскими. Последнее обстоятельство весьма важно: англо-индійскіе чай вытѣснили уже изъ Кокана и семи городовъ наши русскіе чай, которыхъ, по завѣренію нашимъ купцовъ, нѣтъ возможности, продавать по такой цѣнѣ и такого достоинства, какъ индійскіе чай. Что касается до другихъ товаровъ, на примѣръ ситцевъ, то хотя до сихъ поръ наши товары болѣе англійскихъ удовлетворяли вкусу азіатцевъ, но на этомъ преимуществѣ нельзя основывать прочныхъ надеждъ, и англичанамъ нетрудно будетъ примѣниться къ оригинальному вкусу жителей Востока. По сознанію нашихъ купцовъ, англійскіе ситцы лучше и дешевле русскихъ и въ настоящее время, несмотря на то, что провозъ изъ Индіи обходится дороже чѣмъ доставка изъ Москвы; что же касается до будущаго, то несомнѣнно, что англичане съумѣютъ облегчить сообщеніе, прекративъ взиманіе лишнихъ пошлинъ въ Пейшаварѣ, Кабулѣ и др. и воспользоваться даже тѣмъ порядкомъ, который мало по малу водворяется нами въ Средней Азійи и, вѣроятно, распространится и на страны незанятія русскимъ оружіемъ. Наконецъ, можно еще указать на одно важное преимущество англійской торговли: она состоитъ въ томъ, что индійскіе купцы всегда продаютъ товары съ отерочкою платежа на годъ, въ то время какъ наши купцы дѣлаютъ кредитъ на мѣсяць или на два.

Столь невыгодное положеніе нашей торговли и относительно кон-

куренціи англичанъ, можетъ быть измѣнено только однимъ способомъ, а именно: развитіемъ фабричнаго производства въ самой Азійи, въ городахъ уже нами занятыхъ.

Другое обстоятельство, невыгодное для нашей торговли, которому обыкновенно придаютъ весьма мало значенія, это конкуренція торговли азіатской, туземной. Казалось бы, что отсутствіе капиталовъ и всякихъ политико-экономическихъ понятій, неумѣнье азіатцевъ вести обширныя операціи и апатія жителей Востока должны сдѣлать изъ сартовъ совершенно недостойныхъ вниманія соперниковъ; но, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, оказывается противное: оказывается, что эта прозябающая, невидная торговля, небогачающая никого, именно однимъ своимъ прозябаніемъ и поддерживаема цѣны столь низкія, съ которыми намъ соперничать весьма трудно. Чѣмъ объяснить, на примѣръ, что сахаръ на ташкентскомъ базарѣ вздорожалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли? большимъ спросомъ этого объяснить нельзя, ибо за то его привозятъ гораздо больше. Чѣмъ объяснить также, что въ Бухарѣ сахаръ стоитъ 9 руб. 50 коп., а въ Ташкентѣ 15 руб.? Если Бухара нѣсколько ближе отъ мѣста производства, то эта разница должна была бы выразиться въ копѣйкахъ. Сахаръ поднялся въ цѣнѣ отъ того, что русскіе купцы не могутъ продавать его по той цѣнѣ, по которой продаютъ его азіатцы. Да не только сахаръ, но и всѣ товары въ настоящее время продаются въ русскихъ лавкахъ на нѣсколько копѣекъ дороже противъ азіатскаго базара, и вотъ почему. Едва ли въ Коканѣ есть купецъ, располагающій капиталомъ въ 10,000 руб., а при такомъ отсутствіи капиталовъ все дѣлается въ кредитъ: въ кредитъ набирается товаръ и въ долгъ раздается мелкимъ торгашамъ рублей на 200. Такихъ мелкихъ торговцевъ въ Коканѣ до 600. При этомъ надо замѣтить, что товаръ набирается и раздается разнообразный, такъ чтобы, въ случаѣ убытка на одномъ, получить барышъ на другомъ. И идетъ такая торговля со дня на день, по обычаю отцовъ: ни крупныя, ни мелкія торгавцы не знаютъ точно своихъ барышей и не вѣдаютъ постепеннаго и вѣрнаго увеличенія капитала; всякій ищетъ въ торговлѣ не средствъ обогащенія, а средствъ къ поддержанію своего существованія. Мелкіе лавочники по цѣлымъ днямъ сидятъ и ждутъ покупателей, отдѣляя отъ выручки незначительную часть для своего скуднаго прокормленія; остальное несутъ заимодавцу, забираютъ снова въ кредитъ и снова садятся въ свою лавочку, гдѣ проводятъ жизнь безъ труда и даже, по своимъ понятіямъ, пріятно. Конечно, такую жизнь и такими барышами не

могутъ удовольствоваться ни русскіе капиталы, ни русскіе купцы, обязанные большею частью содержать на свой счетъ прикащиковъ съ значительнымъ содержаніемъ.

Жизнь русскихъ купцовъ въ Коканѣ далеко непривлекательна: большею частію они живутъ и проводятъ все время въ зякеть-сараѣ (таможнѣ), весьма рѣдко выходя изъ этого зданія, потому что каждое появленіе ихъ сопровождается ругательствами, на которыя такъ щедръ сарты въ отношеніи иноземцевъ. Ходятъ они по городу не иначе, какъ переодѣтые въ татаръ или сартовъ, и только недавно сарты стали смотрѣть сквозь пальцы на то, что русскіе купцы ѣздятъ верхомъ; прежде и этой вольности не допускалось. За то администрація, вѣроятно вслѣдствіе расположенія хана, весьма дружелюбно и внимательно относится къ купцамъ: они часто бываютъ у мефтера (государственного сборщика податей) и пользуются его расположеніемъ.

Положеніе нашего купечества въ Коканѣ могло бы отчасти быть улучшено учрежденіемъ должности въ родѣ должности консула, который бы соблюдалъ интересы вообще торгующаго купечества и представлялъ бы нужныя намъ свѣдѣнія. Такое лицо могло бы постоянно жить въ Коканѣ и завести необходимыя, по своей должности, связи, что легче всего достигнуть занимаясь маклерствомъ, весьма распространеннымъ въ Коканѣ, т. е. устроивая сдѣлки между русскими и туземными торговыми людьми.

Миротлюбивая политика, которой держалось въ послѣднее время правительство хана относительно Россіи, а въ особенности торговые обязательства заключенныя съ Коканомъ въ 1868 году, даютъ поводъ предполагать, что торговые сношенія съ ханствомъ облегчатся и значительно розовьются.

Торговые обязательства, заключенныя съ Коканомъ, суть слѣдующія:

1) Всѣ города и селенія Коканскаго ханства, безъ исключенія, будутъ открыты для русскихъ купцовъ, подобно тому, какъ и всѣ русскіе рынки доступны коканскимъ торговцамъ.

2) Русскимъ купцамъ дозволено будетъ имѣть въ коканскихъ городахъ, гдѣ сами они пожелаютъ, свои караванъ-сарай, въ которыхъ бы они одни могли складывать свои товары. Тѣмъ же правомъ будутъ пользоваться коканскіе купцы въ русскихъ городахъ.

3) Для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговли и за законнымъ взиманіемъ пошлинъ, предоставляется русскимъ купцамъ

право имѣть, если пожелаютъ, во всѣхъ городахъ ханства торговыхъ агентовъ (караванъ-башей). Право это предоставляется и коканскимъ купцамъ въ предѣлахъ Туркестанскаго края.

4) Со всѣхъ товаровъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Коканъ, или оттуда въ Россію, будетъ взиматься столько же, сколько въ Туркестанскомъ краѣ, т. е. по $2\frac{1}{2}\%$ со стоимости товаровъ; во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ взимается съ мусульманъ, коканскихъ подданныхъ.

5) Русскимъ купцамъ, съ ихъ караванами, предоставляется свободный и безопасный проѣздъ чрезъ коканскія земли, въ сосѣднія съ Коканомъ владѣнія, точно такъ же какъ и коканскіе караваны проускаются чрезъ русскія владѣнія.

Для дополненія очерка производительности Коканскаго ханства, необходимо упомянуть нѣсколько словъ объ экземплярахъ животнаго царства, находящихся въ Коканѣ. Между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ лошади, которыя имѣются въ Коканѣ двухъ родовъ: верховыя—аргамаки и карабайры—туркменской крови, и вьючныя, принадлежащія къ туземной породѣ. Первые весьма красивы и очень дорого цѣнятся въ ханствѣ, именно отъ 20—80 тилей; въ настоящее время число ихъ весьма ограничено, ибо значительная часть коканскихъ коней увезена эмиромъ въ свои владѣнія. Коканская вьючная лошадь пользуется во всей Средней Азіи превосходною репутаціею по своей силѣ и выносливости: въ упряжи она легко везетъ 35 пудовъ, а на вьюкъ до 14 пудовъ. Цѣна ей до 15 тилей. Для полевыхъ работъ употребляются обыкновенныя киргизскія лошади, цѣною отъ 2—6 тилей. Рогатаго скота въ ханствѣ вообще болѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но онъ мелокъ и худъ. Быки употребляются исключительно для обработки полей, ибо говяжье мясо совсѣмъ почти не идетъ на пищу и стоитъ на базарахъ очень дешево, именно 2 к. за фунтъ; средняя цѣна коровы $2\frac{1}{2}$ тилиа, а быка 4—6 тилей. Овецъ мало; ихъ пригоняютъ въ ханство киргизы изъ Ташкента, Аулиеата и другихъ мѣстъ Туркестанской области; мясо ихъ составляетъ любимую пищу коканцевъ и продается по 3—4 коп. за фунтъ. Цѣна барану отъ 1 руб. 50 коп. до 4 руб. Верблюдовъ въ ханствѣ также незначительное число; цѣна одnogорбаго верблюда отъ 8 до 12 тилей; двугорбаго—отъ 5 до 6. Ословъ и лошаковъ въ ханствѣ много; они малорослы, но сильны и легко переносятъ значительный вьюкъ. Цѣна имъ отъ 17 до 20 тенегъ (около 4 рублей).

III.

Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о Коканскомъ ханствѣ.—Бѣдность матеріаловъ по этому предмету.—Характеръ переворотовъ въ ханствѣ.—Нынѣ властвующая династія.—Худояръ-ханъ.—Понятіе о государственномъ устройствѣ.—Элементы государственной и общественной жизни.—Духовенство.—Народъ.—Кочевники.—Вліяніе духовенства на народъ.—Медрессе.—Партія въ Коканѣ.

Историческія свѣдѣнія о ханствѣ могли бы, конечно, въ значительной степени содѣйствовать къ выясненію взгляда на его настоящее политическое положеніе; но, къ сожалѣнію, исторіи почти не существуетъ въ Средней Азіи; даже событія самаго недавняго прошедшаго забыты, искажены и перепутаны до послѣдней степени: даже о времени Мадъ-Али-хана, властвовавшаго лѣтъ за сорокъ тому назадъ, можно получить самыя смутныя, самыя сбивчивыя показанія. Поэтому предлагаемыя историческія свѣдѣнія не могутъ имѣть ни надлежащей полноты, ни той достовѣрности, которая должна бы существовать въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода; тѣмъ не менѣе, они въ значительной степени дополнены изустными свѣдѣніями, добытыми съ большимъ трудомъ нѣкоторыми членами мисіи, посѣтившей Коканъ въ 1868 году. Само собою разумѣется, что эти послѣднія свѣдѣнія имѣютъ цѣну лишь по отсутствію другихъ матеріаловъ и, по невозможности провѣрки, передаются въ томъ видѣ, въ какомъ получены отъ коканцевъ, и притомъ съ значительными пробѣлами: такъ, въ разказахъ никогда не упоминается о вліяніи постепеннаго движенія русскихъ въ глубь Средней Азіи на ходъ дѣлъ въ Коканѣ, между тѣмъ какъ это вліяніе несомнѣнно существовало и было, вѣроятно, весьма сильно.

Коканское ханство составляло часть государствъ, основанныхъ Чингисомъ и Тимуромъ. Будучи покорено узбеками, оно образовало самостоятельное владѣніе, сначала подъ властью потомковъ Тимура, а впослѣдствіи подъ владычествомъ хановъ, попеременно изъ разныхъ родовъ узбекскаго племени. Въ концѣ прошлаго столѣтія престоломъ овладѣлъ нѣкто Нарбутъ-ханъ, изъ узбекскаго рода Мингъ, основатель нынѣ властвующей династіи, при которой Коканское ханство, съ помощію воинственныхъ племенъ кара-киргизовъ и горныхъ сартовъ, быстро распространило свои владѣнія и по силѣ, и по могуществу стало соперничать съ Бухарой. Подчинивъ себѣ племена кара-киргизовъ, кочевавшимъ по Тянь-Шаню и озеру Иссык-Куль, и ханство Ташкентское, владѣтели Кокана безусловно повелѣвали всѣмъ богатымъ и плодороднымъ краемъ по верхнему и среднему теченію Сыръ-Дарьи. Впослѣдствіи, коканскіе ханы приобрѣли могущественное

вліяніе на восточный или китайскій Туркестанъ, гдѣ, поддерживая потомковъ мусульманскихъ династій или ходжей, успѣли утвердиться въ самомъ Кашгарѣ, такъ что еще въ 1813 году пекинскій дворъ обязался платить Кокану ежегодную дань только для того, чтобы коканское правительство не допускало въ предѣлы Алтышгара бѣжавшихъ оттуда ходжей, а впослѣдствіи, въ 1831 году, по особому договору, коканскіе ханы получили право собирать въ Кашгарѣ дань съ товаровъ, привозимыхъ туда изъ Средней Азіи.

Въ 1830 годахъ, при Могамедъ-Али-ханѣ, владѣнія Коканскаго ханства занимали, приблизительно, до 5,000 кв. миль, съ 2,000,000 населенія; но съ 1840-хъ годовъ ожесточенная война съ Бухарою, продолжавшаяся почти безостановочно болѣе двадцати лѣтъ, привела Коканское ханство къ совершенному разоренію и распаденію. Исторія коканскихъ хановъ, за это время, представляетъ непрерывный рядъ неурядицъ, заговоровъ и переворотовъ, исполнявшихся при помощи киргизовъ или кипчаговъ, съ цѣлью смѣнить хана и водворить на престолѣ другую династію. Эти кровавыя неурядицы раздирали ханство, опустошали его плодоносныя поля и подали поводъ одному изъ бухарскихъ эмировъ, властолюбивому Насръ-Уллѣ, вмѣшаться въ его дѣла и присоединить ханство къ своимъ владѣніямъ. Вмѣшательство бухарцевъ началось при коканскомъ ханѣ Могамедъ-Али (Мадъ-Али-ханѣ), о которомъ туземцы сохранили весьма хорошее преданіе, и которому принадлежатъ лучшія постройки города что не помѣшало имъ, однако, составить заговоръ, съ цѣлью передачи ханства Бухарѣ. Дѣйствительно, когда эмиръ Насръ-Улла, отраженный, въ 1841 году, Мадъ-Али-ханомъ отъ стѣнъ Ходжента, на слѣдующій годъ вновь вторгнулся въ ханство, и когда произошло столкновеніе на мѣстности между Ура-Тюбе и Зааминомъ, то ханскія войска отказались драться и передались эмиру. Мадъ-Али-ханъ бѣжалъ съ братомъ и сыномъ, но былъ пойманъ и казненъ. Оставленный эмиромъ намѣстникъ недолго продержался въ Коканѣ; вслѣдъ за его паденіемъ, правители быстро смѣнялись одинъ за другимъ; нѣкоторые властвовали не болѣе восьми дней, покуда интригою не завладѣлъ одинъ изъ вліятельныхъ старшинъ, Мусульманъ-Куль, убившій хана Муратъ-бека и возведшій, въ 1845 году, на престолъ 16-лѣтняго Худояръ-хана, родственника одного изъ убитыхъ хановъ (Ширъ-Али). Десять лѣтъ Мусульманъ-Куль управлялъ Коканомъ самовластно, но, какъ говорятъ, съ большою твердостью и умомъ. Чрезвычайно любознательный, онъ не только не избѣгалъ познаній, но, напротивъ, старался всѣми мѣрами сблизиться съ людьми, прихо-

дившими издалека, и слушалъ ихъ рассказы съ большимъ вниманіемъ. Быть можетъ, его вліяніемъ можно отчасти объяснить отсутствіе фанатизма въ нынѣшнемъ правителѣ Кокана. Но Худояръ-ханъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, сталъ тяготиться опекой и, воспользовавшись неудовольствіемъ узбековъ противъ преобладанія кипчаковъ, произвелъ, въ 1854 году, поголовное возстаніе первыхъ, причемъ было перерѣзано много кипчаковъ. Мусульманъ—Куль бѣжалъ въ горы, собралъ тамъ многочисленное войско и напалъ съ нимъ на Маргеланъ. Но здѣсь регентъ былъ разбитъ войсками Худояра и выданъ хану, который приказалъ отвезти его въ Коканъ и ожидать тамъ личнаго его прибытія. Между тѣмъ, беки, боясь примиренія хана съ Мусульманъ—Куломъ, самовольно выставили его къ позорному столбу и повѣсили, какъ говорятъ, по настоянію матери хана.

Вслѣдъ за симъ возникъ разрывъ между ханомъ и братомъ его, Молла-бекомъ, управлявшимъ Ташкентомъ, какъ кажется, вслѣдствіе успѣховъ русскихъ, которымъ Молла-бекъ не оказывалъ достаточно упорнаго сопротивленія. Будучи вызванъ въ Коканъ, Молла-бекъ не явился туда, но, ставъ во главѣ непокойныхъ кураминцевъ, пошелъ съ войскомъ на хана. Разбитый въ сраженіи, онъ покорился и жилъ въ Коканѣ около двухъ лѣтъ, являясь, въ числѣ второстепенныхъ придворныхъ, во дворецъ хана на обычный утренній «ассаламъ». Какъ вдругъ, однажды, коканцы съ удивленіемъ узнали, что Молла-бекъ бѣжалъ и собираетъ въ Ушѣ кара-киргизовъ и кипчаковъ, съ тѣмъ чтобы еще разъ попытаться свергнуть Худояръ-хана. Узнавъ о томъ, ханъ собралъ войско и выступилъ къ Маргелану, но дѣйствовалъ такъ слабо и нерѣшительно, что его отряды, отдѣльно посылаемые противъ Молла-бека, постепенно передавались послѣднему. Къ этому присоединились волненія въ самомъ городѣ Коканѣ, вслѣдствіе прокламаціи, посланной туда Молла-бекомъ, обѣщавшей халаты и другаго рода награды. Пораженный измѣною, окружавшей его отовсюду, Худояръ, въ 1856 году, бѣжалъ въ Бухару.

При отсутствіи всякихъ историческихъ данныхъ, трудно сказать, каково, въ дѣйствительности, было трехлѣтнее управленіе Молла-хана, но отзывы о немъ весьма рѣзки въ ту или другую сторону; по-видимому, это былъ человѣкъ суровый и энергическій; имя его нерѣдко упоминается въ пѣсняхъ и весьма популярно въ народѣ. Несмотря на то, Молла-ханъ былъ убитъ заговорщиками, а ханомъ былъ провозглашенъ братъ его Сармась-ханъ (называемый иногда Сарымъ-ханомъ), который, въ свою очередь, былъ убитъ партією

Алимъ-кула, кипчакскаго вождя, и ханство досталось сыну Молла-хана—Мозафару. Во время этой рѣзни, Худояръ-ханъ, жившій въ Бухарѣ, но зорко слѣдившій за коканскими дѣлами, дважды пытался возвратить себѣ престолъ, но каждый разъ былъ разбиваемъ и снова находилъ убѣжище въ Бухарѣ. Наконецъ третья попытка его увѣнчалась успѣхомъ. Воспользовавшись труднымъ положеніемъ Кокана, занятымъ войною съ Россією, Худояръ предложилъ эмиру легкое завоеваніе престола, обѣщавъ ему четвертую часть своихъ доходовъ. Вслѣдствіе этого, эмиръ предпринялъ походъ на Коканъ въ 1865 году и, пользуясь беспорядками и неурядицами бывшими въ то время въ ханствѣ (*), почти безъ сопротивленія занялъ его и предался страшному грабительству и жестокостямъ, которыя до сихъ поръ памятны коканскому населенію, отъ всей души ненавидящему бухарцевъ. Какъ свидѣтельство самоволія, выказаннаго эмиромъ, можно указать на то, что онъ увезъ съ собою въ Бухару до 2,000 женщинъ и всю коканскую артилерію, состоящую изъ 30 орудій. Между увезенными женщинами, находилась русская плѣнница, дѣвица Черепанова, страшная судьба которой обращаетъ на себя вниманіе (**).

Такимъ образомъ, Худояръ-ханъ вновь завладѣлъ престоломъ, но эта кровавая катастрофа не обошлась ему даромъ, и въ ней надо искать первой причины той непопулярности, которою онъ пользуется въ народѣ. Между тѣмъ, Худояръ, въ сущности, человѣкъ склонный къ хорошему и желающій пользы своему народу.

Что касается до дружественныхъ отношеній между эмиромъ и Худояръ-ханомъ, то они были прерваны весьма скоро. Когда генералъ Черняевъ двинулся къ Джюзаку, эмиръ настойчиво требовалъ, чтобы коканскій ханъ напалъ на Ташкентъ. Эта минута была въ высшей степени критическая какъ для нашихъ войскъ, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ между враждебнымъ населеніемъ, такъ и для влстителей Средней Азіи, питавшихъ надежду дружественнымъ напоромъ возвратить потерянное имъ за нѣсколько лѣтъ. По свидѣтельству генерала Романовскаго, несмотря на наши непрерывные и въ послѣднее время блистательные успѣхи въ Средней Азіи, мы ничѣмъ

(*) Беспорядки въ Коканѣ произошли вслѣдствіе смерти Алимъ-Кула, убитаго въ сраженіи съ русскими въ маѣ 1865 года, и сверженія хана, на мѣсто котораго былъ избранъ красивый юноша, будто бы сынъ Сарымъ-хана, а въ сущности просто бача (мальчикъ), торговавшій чалмами на базарѣ.

(**) Дѣвица Черепанова, дочь чиновника, была взята въ 1863 или 1864 году въ плѣнъ, при нападеніи ташкентскаго бека на Вѣрное, послѣ чего она жила въ Коканѣ, въ урѣдѣ, при матери хана и въ послѣдствіи совершенно омусульманилась и даже выучилась татарской грамотѣ. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна, хотя, кажется, въ настоящее время она находится въ Коканѣ.

не успѣли доказать нашего превосходства въ глазахъ полудикаго населенія, привыкшаго считать отсутствіе жестокости слабостію со стороны побѣдителя. Снисходительность и ласки, оказываемыя нами эмиру, были истолкованы въ его пользу; повсюду было распространено мнѣніе, что успѣхи наши были случайные и убѣжденіе, что эмиръ по прежнему могущественъ и непобѣдимъ. Весь край былъ въ страшномъ волненіи и въ такомъ напряженномъ состояніи, что одна минута промедленія могла бы надолго испортить наши дѣла въ Средней Азіи. Въ самомъ Ташкентѣ, занятомъ нами, образовалась партія заговорщиковъ; конныя шайки бухарцевъ рыскали по всей области; Коканъ волновался.

Чтобы разомъ покончить съ столь опаснымъ положеніемъ дѣлъ, надо было дѣйствовать рѣшительно, что и выполнено было въ сраженіи при Ирджарѣ.

Въ эту минуту положеніе коканскаго хана было въ высшей степени щекотливо: съ одной стороны, настойчивыя требованія эмира и желанія коканскаго народа вызвали его на войну; съ другой, убѣжденіе въ силѣ русскихъ и боязнь лишиться своихъ владѣній удерживали его отъ рѣшительнаго шага. Ожидая, чтобы результатъ похода обозначился, ханъ думалъ дѣйствовать выжидательно; но, поставленный въ необходимость сдѣлать послѣдній шагъ, ханъ вызвалъ изъ Кокана Мурзу-Хакима (посланникъ въ Петербургѣ), только что вернушагося изъ Россіи, и требовалъ отъ него свѣдѣній о силѣ русскихъ, ихъ расположеніи и проч., равно и категорическаго мнѣнія касательно образа дѣйствій, который слѣдуетъ предпринять въ данныхъ обстоятельствахъ. Послѣ настойчиваго требованія хана, Мурза-Хакимъ объяснилъ ему съ тою ясностію, съ которою самъ понимаетъ, невозможность борьбы съ рускими. Между тѣмъ гонцы эмира одинъ за другимъ пріѣзжали къ хану и требовали отъ него 10,000 войска въ помощь такому же числу бухарцевъ, двинувшихся къ Ходженту, подъ начальствомъ Рустамъ-бека. По убѣжденію Мурзы-Хакима, ханъ написалъ эмиру письмо, въ которомъ высказалъ, что, по слабости своихъ силъ, онъ можетъ двинуться на русскихъ не иначе, какъ вслѣдъ за бухарскими войсками. Отъ этого отвѣта бухарскій властитель пришелъ въ страшное негодованіе и приказалъ зарыть гонца по горло въ песокъ.

Между тѣмъ, русскія войска на голову разбили подъ Ирджаромъ скопища бухарскаго эмира и разомъ подорвали ту вѣру въ его непобѣдимость, которая такъ сильно была укоренена въ туземномъ населеніи. Предсказанія Мурзы-Хакима начали сбываться; когда же

русскіе двинулись на Ходжентъ, и когда близость войскъ, казалось, грозила Кокану неминуемою опасностію, положеніе его сдѣлалось весьма опаснымъ; но и тутъ Мурза-Хакимъ, при совѣщаніи съ ханомъ, поручился ему головою, что русскіе не пойдутъ на Коканъ, не извѣстивъ о томъ хана. Понятно, съ какимъ трепетомъ ожидалъ Мурза-Хакимъ исхода военныхъ событій; онъ даже заболѣлъ отъ нетерпѣливаго ожиданія, зная очень хорошо, что поручительство головою будетъ понято ханомъ не въ видѣ риторической фигуры, но буквально. Къ счастью для него, дальнѣйшія обстоятельства оправдали его предположенія, и съ этихъ поръ начинается постоянно возрастающее вліяніе Мурзы-Хакима на политику хана.

Такимъ образомъ, обширное Коканское ханство, за послѣднія двадцать лѣтъ ослабленное войнами съ Бухарою, и въ особенности внутренними беспорядками и неурядицами, уронившими совершенно ханскую власть, стало быстро клониться къ упадку. Большая часть кочеваго населенія Кокана отпала отъ ханской власти и частію сдѣлалась независимымъ, частію, племя за племенемъ, перешло въ русское подданство. Кромѣ того, въ 1853 году, коканцы принуждены были уступить Россіи Акъ-Мечеть, а въ 1864—1866 годахъ города Туркестанъ, Ташкентъ и наконецъ Ходжентъ, со взятіемъ котораго Коканское ханство ограничилось одною долиною Ферганы и было отрѣзано отъ бухарскихъ владѣній, чѣмъ и прекращена возможность коалиціи между этими двумя государствами.

Само собою разумѣется, что вышеизложенныя событія оставили глубокіе слѣды въ народѣ. Власть ханская, какъ и всякаго деспотическаго властелина, повидимому неимѣвшая предѣловъ, на дѣлѣ всегда была слаба. Какъ ни искажаетъ рабство природу человѣка, оно не можетъ искоренить въ рабѣ ненависти къ его господину, и потому даже во времена процвѣтанія ханской власти достаточно было явиться челоуѣку, умѣвшему воспользоваться враждебными настроеніями массъ, чтобы лучше изъ коканскихъ правителей, каковы Мадъ-Али-ханъ или Мусульманъ-Куль, были выданы ихъ врагамъ. Вмѣшательство бухарцевъ въ дѣла Кокана, успѣхи русскаго оружія, отторженіе Ташкента, одного изъ важнѣйшихъ центровъ Средней Азіи, обезсилили ханство и уронили значеніе хана до того, что, какъ сказано было выше, въ 1865 году ханомъ былъ провозглашенъ бача, взятый съ базара, хотя, по понятіямъ азіатцевъ, челоуѣкъ неханскаго рода никогда не посмѣетъ принять этого титула.

Частыя перемѣны хановъ и правителей, кровопролитія и месть, которыми эти перемѣны сопровождались, должны были вызвать много

честолюбія, много надеждъ, много ненависти, до времени скрывае-
мыхъ въ глубинѣ души скрытнаго по природѣ азіятца. Поэтому, въ
настоящее время, ханство волнуется партіями, которыя, правда, не-
похожи на партіи въ Европѣ, представляющія идею, имѣющія свою
организацію, своихъ предводителей и опредѣленную цѣль, но все-
таки имѣютъ большую цѣну по отношенію къ общественной жизни.
Въ Коканѣ партіи рѣдко систематически преслѣдуютъ одну ясно по-
ставленную цѣль или имѣютъ вожаковъ, которымъ повинуются
остальные; личные интересы слишкомъ дороги каждому, чтобы ими
жертвовать въ данную минуту интересамъ сословія, связямъ или
убѣжденіямъ. Такимъ образомъ, партіи въ Коканѣ хотя и состав-
ляются изъ людей, сочувствующихъ извѣстному порядку вещей, но
эти люди дѣйствуютъ большею частію разрозненно, до поры до
времени скрытно и, что всего важнѣе, всегда ставятъ личные ин-
тересы выше интересовъ партіи.

Чтобы точнѣе выяснитъ себѣ положеніе различныхъ партій въ
Коканѣ, рассмотримъ предварительно образъ правленія въ ханствѣ
и тѣ правительственные органы, посредствомъ которыхъ ханская
власть управляетъ населеніемъ. Управление въ Коканѣ деспотиче-
ское, но непосредственная власть хана ограничивается только горо-
домъ Коканомъ и его округомъ: остальные части ханства управ-
ляются *кушъ-бегами* или *хакимами*, которые пользуются, въ пре-
дѣлахъ вѣрренныхъ имъ округовъ, неограниченною властью. Между
ханомъ и кушъ-бегами существуетъ обыкновенно самая тѣсная связь
и солидарность интересовъ. Всѣ административныя мѣста заняты
лицами, принадлежащими одной политической партіи; поэтому по-
нятно, какая суматоха происходила въ ханствѣ при непрерывныхъ
переходахъ ханской власти въ руки различныхъ партій, ибо, съ пе-
ремѣной хана, измѣнялся весь личный составъ администраціи и за-
мѣнялся новыми лицами, принадлежавшими къ той партіи, которая
одержала побѣду. Безъ сомнѣнія, административныя перемѣненія
рѣдко обходились безъ кровавой рѣзни по всему протяженію ханства.
Самыя вліятельныя лица временно-господствующей партіи захваты-
ваютъ высшія должности *атабека* и *серкера* — главныхъ военныхъ
начальниковъ — *мишъ-баши* — великаго визиря — *достарханчи* — глав-
наго казначея и проч.

Главнѣйшіе города ханства управляются, какъ сказано выше,
кушъ-бегами, получающими свои мѣста за извѣстную плату, кото-
рую они обязаны вносить хану и его сановникамъ. Кушъ-беги,
въ свою очередь, раздаютъ меньшіе города и селенія въ аренд-

ное содержаніе своимъ приверженцамъ, съ званіемъ *бековъ*, *дадхи*
или *аксакаловъ*, смотря по величинѣ вѣряемыхъ имъ участковъ.
Такимъ образомъ, все ханство подчиняется преданнымъ другъ другу
чиновникамъ, которые, въ управляемыхъ ими мѣстностяхъ, дѣй-
ствуютъ совершенно самовластно съ своими подчиненными и, въ
свою очередь, безусловно подчиняются чиновнику высшаго разряда.
Такая административная система предоставляетъ весь край самому
необузданному произволу партіи, успѣвшей силою захватить бразды
правленія, и сила этой системы такъ велика, что ханы положи-
тельно не могутъ измѣнить въ ней ни юты и должны склониться
предъ существующимъ порядкомъ вещей.

Что касается до судопроизводства, то, основанное на коранѣ, оно
всецѣло предоставлено духовенству, изъ среды котораго избирается
верховный судья ханства — *казы-келакъ* — и обыкновенные судьи —
казы, которые судятъ и разбираютъ безъ апелляціи всѣ уголовныя и
гражданскія дѣла и искн.

При такомъ порядкѣ вещей, во главѣ всѣхъ партій, существую-
щихъ въ Коканѣ, надо указать на партію духовенства, имѣющаго
огромное вліяніе на народъ. Названіе «духовенства», впрочемъ, не
совершенно точно, ибо духовенства, въ смыслѣ сословія, въ Коканѣ
нѣтъ, а роль его при богослуженіи и въ частной и общественной
жизни исполняется грамотными муллами. Но если вспомнить, что
вся суть мусульманскаго образованія состоитъ въ чтеніи и толкова-
ніи священныхъ книгъ, то станетъ понятно, что муллы — ученые,
сдѣлались представителями религіознаго начала и, связанные въ одно
цѣлое единствомъ воспитанія и личными интересами, стали вмѣши-
ваться въ жизнь народа, присутствуя при главнѣйшихъ ея событіяхъ:
бракъ, рожденіи, молитвѣ и проч. Если припомнить еще, что
воспитаніе юношества находится исключительно въ рукахъ муллъ и
что они пользуются безапелляціонною судебною властью, то стано-
вится яснымъ, какія громадныя средства сосредоточены въ ихъ ру-
кахъ и каково должно быть ихъ вліяніе на народъ. Фанатизмъ по
натурѣ и по корыстному расчету, мулла является обыкновенно са-
мымъ яркимъ противникомъ всякаго нововведенія, всякаго свѣта, при
которомъ можно было бы разглядѣть его ненужную и небезукориз-
ненную фигуру, и потому, при первомъ столкновеніи европей-
ской цивилизаціи, мулла является главнымъ рычагомъ той глухой
борьбы, которая обыкновенно возникаетъ въ населеніи почувшемъ
ея приближеніе.

Что касается народа, то онъ не любитъ муллъ какъ за ко-

рыстолюбіе, тагъ и за циническое противорѣчіе ихъ жизни съ тѣми правилами, которыя они проповѣдуютъ. Но таково уже свойство невѣжественныхъ массъ: ненавѣда учрежденіе и вида его недостатки, они все-таки становятся его игрушкой и орудіемъ и, не имѣя уваженія къ муллѣ, готовы почти безпрекословно ему повиноваться. Казалось бы, что обитатели Кокана, замѣчая въ Ташкентѣ и въ другихъ городахъ плоды нашего владычества, ясно выразившіеся въ прекращеніи рѣзни и беспорядковъ, въ обезпеченіи жизни и имущества народа, въ значительномъ облегченіи податей, въ усиленномъ спросѣ на работу, вызванномъ новыми постройками и промыслами, дозволяющемъ сарту заработать вдесятеро болѣе прежняго, казалось бы, что, убѣдясь очевидностью, они могли бы помириться съ русскою цивилизаціею, признать ея пользу и стать на ея сторону. Но на дѣлѣ оказывается далеко не то, особенно въ мѣстностяхъ незанятыхъ русскимъ оружіемъ. Азіятецъ, какъ и человѣкъ вообще, любитъ прежде всего свое старое, хотя и понимаетъ его недостатки, любить его по привычкѣ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ невѣжественнѣе и чѣмъ менѣе склоненъ къ анализу. Даже самыя матеріальныя выгоды, пріобрѣтенныя народомъ прямо при посредствѣ русской цивилизаци, будутъ отнесены не къ ней, а къ простой случайности, неимѣющей съ первою ничего общаго. Много времени, много десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока старая привычка замѣнится новою, и азіятецъ освоится съ тѣми благами, которыя принесетъ ему европейская жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ это примиреніе неизбѣжно; но въ настоящее время стоитъ только переѣхать черезъ границу и остановиться въ первомъ неподвластномъ намъ кышлакѣ, чтобы услышать, съ какою настойчивостью всякій русскій человѣкъ подвергается угрозамъ и проклятіямъ со стороны тѣхъ людей, которые очень хорошо знаютъ, по своимъ сосѣдямъ, всѣ выгоды русской власти. Эти угрозы подавляются въ глубинѣ озлобленной души при успѣхахъ нашего оружія и проявляются въ полномъ блескѣ при малѣйшемъ намѣтѣ на нашу неудачу. Власти коканскаго хана едва достаточно для обезпеченія жизни и имущества русскихъ купцовъ. Такое расположеніе народа, эта врожденная ненавѣсть ко всему иноземному и иновѣрному, представляетъ удобную почву для фанатической проповѣди мусульманскаго духовенства. Въ проповѣдяхъ и пѣсняхъ, въ мечетяхъ и на базарѣ, муллы проповѣдуютъ ненавѣсть къ кяфирамъ и ихъ порядкамъ, и народъ слѣпо идетъ за ними, не замѣчая, что въ этихъ порядкахъ многое выгодно для него, начиная съ избавленія отъ власти муллы.

Во главѣ духовенства стоитъ коканскій казы-калякъ и пользуется, по своему положенію, большимъ вліяніемъ; но его вліяніе несравненно менѣе того, которое выпало на долю нѣкоего Иманъ-Хозрета. Этотъ 85-лѣтній старикъ, «святой и пророкъ», по мнѣнію мусульманъ, долгое время жилъ въ Бухарѣ, гдѣ также игралъ значительную роль, но долженъ былъ оставить эту страну, за предсказаніе о несчастномъ исходѣ ирджарскаго дѣла, и бѣжать въ Коканъ. Здѣсь жилище «святаго» постоянно наполнено толпами почитателей, каждое утро являющихся къ нему на поклонъ. Вліяніе его такъ велико, что въ числѣ ежедневныхъ посѣтителей находится и казы-калякъ; самъ ханъ заискиваетъ его расположенія и даетъ ему подарки, цѣнность которыхъ въ продолженіе года, какъ говорятъ, доходитъ до 2,000 червонцевъ. Благодаря этимъ щедрымъ приношеніямъ, Иманъ не перечитъ хану и, зная его наклонность къ миру съ русскими, не ведетъ открытой фанатической противъ нихъ пропаганды, но за то остальное духовенство стоитъ въ самыхъ враждебныхъ, хотя часто скрываемыхъ, отношеніяхъ къ намъ. Ненавѣда русскую власть, муллы также враждебны ханскому правительству и естественно тяготеютъ къ Бухарѣ, имѣющей сильное духовенство, съ которымъ они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ и имѣютъ много общихъ интересовъ. Самъ ханъ, кажется, вовсе несклоненъ исполнять всѣ претензіи своихъ муллъ, что можно заключить изъ того, что онъ оставилъ безъ вниманія представленіе духовенства о необходимости разрушить домъ Мурзы-Хакима, который началъ строить его на европейскій манеръ, будто бы, вопреки шаріату. Что касается до связей съ Бухарою, то онѣ значительно ослабли послѣ взятія русскими Ходжента, вслѣдствіе чего непосредственное соприкосновеніе между ханствами прекратилось.

Другая партія, имѣющая значительный вѣсъ въ Коканѣ, это партія приверженцевъ старины, состоящая болѣею частію изъ силаевъ, т. е. служилыхъ людей. Во главѣ ея стоитъ нѣкто Ширъ-Али-бій, уроженецъ деревни Науганды въ Зачирчикскомъ краѣ, старикъ 65 лѣтъ, широкоплечій, огромнаго роста мужчина, съ звѣрскимъ лицомъ; отличный наѣздникъ и рубака, онъ пріобрѣлъ себѣ славу знаменитаго батыря. О подвигахъ его свидѣлствуютъ четырнадцать ранъ (онъ самъ насчитываетъ ихъ до 40), полученныхъ имъ въ дѣлахъ противъ русскихъ, начиная отъ Акъ-Мечети и Алматовъ и кончая послѣдними дѣлами съ нашими войсками. Многие изъ этихъ ранъ весьма опасны, и суевѣрный народъ придаетъ сверхъестественную силу и живучесть батырю, считая его заколдованнымъ; онъ самъ,

показывая свои раны нашей мисіи, намекалъ на свою неуязвимость. Ширъ-Али гордится своею ненавистью къ русскимъ и подвигами своего 20-лѣтняго сына, уже имѣющаго рану, полученную имъ при защитѣ Ташкента. Такимъ подвигомъ обязанъ Ширъ-Али своимъ положеніемъ при дворѣ хана: онъ занимаетъ второе мѣсто въ совѣтѣ и имѣетъ званіе начальника конницы (батырь-баши).

Партія старины находится въ естественномъ союзѣ съ партією фанатическаго духовенства, и обѣ онѣ тянутъ къ Бухарѣ. Между тѣмъ, въ послѣднее время, въ народѣ, а также въ значительной степени и между сипаями, замѣтно сильное стремленіе въ другую сторону, именно къ Кашгару.

Въ Кашгарѣ, какъ извѣстно, въ настоящее время властвуетъ Якубъ-бекъ, давно извѣстный русскимъ по дѣламъ при фортѣ Перовскомъ и по другимъ, и принадлежащій къ числу рѣзко-выдающихся, по своимъ способностямъ и энергіи, личностей. Принужденный при Алимкулѣ бѣжать изъ Кокана въ Кашгаръ за свои постоянные совѣты избѣгать войны съ русскими, силу которыхъ онъ хорошо понималъ, Якубъ-бекъ, въ непродолжительномъ времени, не только утвердился въ Кашгарѣ, но владѣетъ также Яркендомъ, Турфаномъ и Аксу и простеръ свое вліяніе на Кульджу и даже на Урумчи. Властолюбивый по природѣ, онъ, какъ кажется, не покидаетъ надежды завладѣть и Коканомъ и служить средоточіемъ для коканскихъ эмигрантовъ, удалившихся изъ ханства вслѣдствіе недовольства настоящимъ ханомъ и считающихъ въ своихъ рядахъ многихъ весьма вліятельныхъ и популярныхъ личностей, между которыми есть даже претендентъ на ханскій престолъ—Худай-Куль, родной братъ Худояра.

Благодаря своей репутаци и пріему дѣлаемому эмигрантамъ, имѣющимъ большія связи, Якубъ-бекъ въ самомъ Коканѣ имѣетъ весьма сильную партію; но настоящія его намѣренія и надежды покрыты непроницаемою тайной. Говорятъ, будто эмигранты требуютъ чтобы онъ немедленно шелъ на Коканъ и общаются ему полный и легкій успѣхъ; но Якубъ-бекъ, повидимому, боится столкновеній съ русскими и выжидаетъ удобной минуты для завладѣнія Коканомъ, когда отношенія ханства къ русскимъ это дозволятъ. Въ концѣ 1866 года, отношенія Якубъ-бека къ коканскому хану, повидимому, измѣнились въ хорошую сторону: Якубъ-бекъ отправилъ въ Коканъ посольство съ богатыми подарками, съ цѣлью выручить сына своего, находящагося при Худоярѣ; посольство это имѣло успѣхъ, и ханъ отправилъ въ Кашгаръ своего посла и требуемаго сына. По прибытіи сына, Якубъ-бекъ опять круто измѣнилъ свою политику, такъ

что коканскій посолъ едва живой вернулся на родину. Якубъ-бекъ, возвративъ сына, началъ готовить войско, покупать лошадей и оружіе, но дальше того не пошелъ, такъ что многіе эмигранты, насучивъ ожиданіемъ и не видя рѣшительнаго исхода, возвратились съ повинною въ Коканъ, гдѣ, впрочемъ, были приняты не совсѣмъ дружелюбно. Другая часть эмигрантовъ приступила сама къ дѣйствію и, собравшись въ Ушѣ, задумала низверженіе Худояра, рассчитывая на содѣйствіе Султанъ-Мурата, бека Маргеланскаго, брата Худояра. Но Муратъ-бекъ донесъ объ этомъ Худояру и, по его приказанію, съ помощью хитрости, поодиначкѣ связалъ всѣхъ заговорщиковъ, которые были отправлены въ Коканъ и казнены по повелѣнію хана.

Изъ вышесказаннаго видно, что власть коканскаго хана далеко не можетъ найти надежной поддержки въ осѣдломъ населеніи сартскаго племени; что же касается кочевниковъ, кипчаковъ и киргизовъ, то на нихъ еще менѣе можно рассчитывать: кипчаки исконные враги сартовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, враги хана; они помнятъ еще о позорной казни предводителя ихъ Мусульманъ-Кула и многихъ тысячъ своихъ соплеменниковъ и поэтому составляютъ самый страшный элементъ волненій въ Коканѣ, элементъ всегда грозный и ежеминутно готовый вспыхнуть. Занимая въ окрестностяхъ Кокана обширныя земли, въ числѣ 10,000 семействъ, кипчаки могутъ ежеминутно произвести нападеніе на столицу. Эта опасная для ханства сила находится вся въ рукахъ сына Мусульманъ-Кула, Абдырахима, занимающаго при ханѣ должность автавачи (камеръ-пажъ). Понимая всю важность этой личности и видя, что все вліяніе Мусульманъ-Кула на кипчаковъ перешло цѣликомъ къ его сыну, ханъ балуетъ и ласкаетъ автавачи и старается съ нимъ всячески сблизиться, для чего недавно даже женился на его сестрѣ; но автавачи, сознавая свою силу, не поддается и держится при дворѣ хана независимо и даже гордо. Онъ тоже недружелюбно относится къ русскимъ и рѣзко порицаетъ сближеніе съ нами хана.

Другое кочевое племя, кара-киргизы, хотя и не составляютъ такой тѣсно-сплоченной массы какъ кипчаки, но все-таки весьма опасны, потому въ особенности, что принимаютъ участіе во всѣхъ смутахъ, кто бы ихъ ни производилъ, и если они рѣже берутъ на себя инициативу возстанія, то тѣмъ не менѣе пристають охотно ко всякому безпорядку. Къ тому же, разбросанные на большомъ пространствѣ, киргизы ускользаютъ отъ вліянія ханской власти и составляютъ весьма ненадежный элементъ населенія.

Такимъ образомъ, населеніе ханства состоитъ изъ элементовъ

враждебныхъ и равно-ненавидящихъ другъ друга: духовенство съ преданностію къ исламу, и народъ, сарты, хотя грубый и необразованный, но дорожащій своею независимостію, стремленіе къ Бухарѣ и тяготѣніе къ Кашгару, непрерывныя волненія кара-киргизовъ и наконецъ гроза, всегда готовая разразиться, кипчаки—вотъ тѣ подводные камни, между которыми должно лавировать ханское правительство. Всѣ эти партіи сходятся между собою только въ одномъ, въ ненависти ко всему иноземному, и понятно, что при этихъ условіяхъ трудно образоваться сочувствію къ русскимъ. А между тѣмъ русская партія существуетъ въ Коканѣ, партія немногочисленная, но сильная поддержкою хана, который убѣжденъ, что всѣ внутренніе враги ничто въ сравненіи съ русскими, если только они сдѣлаются его врагами, и съ тѣми выгодами, которыя доставляетъ русская власть странамъ, занятымъ ея оружіемъ.

Русскую партію въ Коканѣ надо понимать, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы она стремилась къ утвержденію тамъ русской власти, а лишь въ томъ, что миръ съ русскими она считаетъ необходимымъ условіемъ существованія Кокана. Многолѣтніе торговыя сношенія съ Коканомъ не могли, конечно, не отразиться сближеніемъ извѣстнаго сословія жителей съ Россією. Многие изъ коканскихъ купцовъ, бывая на русскихъ ярмаркахъ и имѣя торговыя дѣла съ нами, заинтересованы сохраненіемъ хорошихъ отношеній съ Россією, да и кромѣ того они убѣдились на опытѣ, что русскіе не такіе изверги, какими имъ слѣдовало быть по описанію муллъ. Но такихъ людей вообще немного и къ тому же они, въ виду народной ненависти, не могутъ открыто высказывать своего сочувствія.

Изъ этого краткаго очерка политическаго положенія ханства видно то отсутствіе единства въ населеніи, которое дѣлаетъ страну игрушкою партій и легкою добычею завоевателя, какъ то доказало бухарское нашествіе въ 1863 году. Но, несмотря на кажущееся отчаянное положеніе дѣлъ и на слабость ханской власти и правительства, нельзя не замѣтить той особенной живучести, которою обладаютъ вообще всѣ средне-азиатскія государства: жизнь ихъ похожа на медленную агонію, могущую продолжиться неопредѣленное время. Послѣ ирджарскаго дѣла, правительство Мозафара, бухарскаго эмира, казалось нашимъ посланнымъ накануне своей смерти, а между тѣмъ сколько суровыхъ ударовъ выдержало оно съ тѣхъ поръ и осталось съ прежнею властью и вліяніемъ. То же самое можно сказать и о Коканѣ и его правительствѣ, неимѣющихъ, повидимому, никакихъ залоговъ долговѣчности. Трудное положеніе хана, которому приходится

бороться съ различными враждебными его власти элементами, облегчается лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одна изъ противныхъ партій точно также не можетъ похвалиться ни сочувствіемъ остальныхъ, ни хорошею дисциплиною въ своей средѣ. Что касается до отношеній Кокана къ Россіи, то, съ этой точки зрѣнія, настоящій ханъ представляетъ весьма хорошаго союзника, понимающаго всѣ выгоды, проистекающія отъ дружелюбныхъ отношеній къ намъ Кокана и готоваго поддерживать всѣми силами выгодный для его государства миръ съ русскими. Пока силенъ ханъ и пока его правительство имѣетъ вѣсть, миръ, вѣроятно, не будетъ нарушенъ и торговыя сношенія наши съ Коканомъ получать ожидаемое развитіе.

IV.

Ханъ, его семейство и дворъ.—Характеристика хана.—Его наружность и склонности.—Любознательность хана.—День въ урду.—Намазъ.—Ежедневный пріемъ.—Жены хана.—Ихъ значеніе и жизнь.—Дворъ.—Главнѣйшія придворныя должности.—Местеръ.—Беки.—Средства хана денежные и военныя.—Доходъ.—Пѣхота, гавалерія и артилерія.—Обученіе войскъ.—Жалованье.—Обмундированіе и вооруженіе.—Заключеніе.

Выше было замѣчено, что почти все народонаселеніе ханства, къ какой бы партіи ни принадлежало, расположено весьма враждебно къ хану. Изъ этого, впрочемъ, нельзя заключить, чтобы личность Худояра вызвала исключительно это непріязненное чувство; напротивъ, надо полагать, что чувство это общее, что азіятецъ, несмотря на свое раболѣпство, питаетъ вообще ненависть къ своимъ властителямъ. При безпрестанныхъ беспорядкахъ волновавшихъ ханство, при смѣнявшихся владѣтеляхъ, каждый изъ нихъ, вмѣстѣ съ властью, наслѣдовалъ вполнѣ ненависть приверженцевъ своихъ предшественниковъ. Угнетенный народъ, надѣясь улучшить свое положеніе, всегда готовъ былъ къ низверженію существующаго порядка вещей, но, съ свойственнымъ ему терпѣніемъ, переносилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, большія лишенія, онъ вдругъ иногда, какъ кажется, изъ-за бездѣлицы, которая впрочемъ обыкновенно составляетъ послѣднюю каплю въ наполненной чашѣ, возстаетъ поголовно и вымещаетъ на правительствѣ всѣ прошлыя, но незабытыя обиды. Такого кризиса опасается ханъ. Между тѣмъ, на взглядъ европейца, настоящій ханъ имѣлъ бы право на большее сочувствіе со стороны своихъ подданныхъ. Повидимому, онъ человѣкъ скромнаго характера и добраго сердца, разумѣется, впрочемъ, на столько, на сколько можетъ обладать этими качествами азіятецъ, воспитанный на деспотизмъ и непривыкшій давать большой цѣны ни чужой жизни, ни собствен-

ности. На совѣсти Худояръ-хана лежитъ немало убійствъ: казнь Мусульманъ-Кула, кипчаковъ и эмигрантовъ, вернувшихся изъ Кашгара, служить тому доказательствомъ; однакожь, несмотря на это, Худояръ дѣйствуетъ далеко не съ той жестокостью и самовластіемъ, какія приписываютъ, напримѣръ, бухарскому эмиру. Къ чести его можно отнести также и то, что не всѣ государственные доходы поступаютъ на удовлетвореніе его прихотей; такъ, недавно онъ выстроилъ на свой счетъ прекрасный базаръ въ Коканѣ, а въ прошломъ году, какъ слышно, значительно увеличилъ его размѣры. Кромѣ того, ханъ имѣетъ весьма большое достоинство, съ европейской точки зрѣнія: онъ чрезвычайно любознателенъ и съ охотою принимаетъ неизвѣстныя ему свѣдѣнія. Ничѣмъ нельзя такъ приобрести его расположенія, какъ подаркомъ какихъ-нибудь механическихъ издѣлій или инструментовъ; у него цѣлая комната стѣнныхъ и карманныхъ часовъ, съ боемъ и кукушкою; онъ самъ внимательно слѣдитъ за ихъ ходомъ и даже, говорятъ, можетъ дѣлать небольшія починки. Съ такимъ же интересомъ онъ разсматривалъ барометръ, привезенный ему изъ Россіи. Наконецъ, въ то время, когда другіе азіатцы считаютъ за униженіе и за позоръ знакомиться съ тѣмъ, что дѣлается у невѣрныхъ, ханъ съ жадностью выслушиваетъ рассказы о нашемъ образѣ жизни, о нашихъ изобрѣтеніяхъ, о роскоши и изяществѣ европейскихъ городовъ. Легко понять, что такой человѣкъ не можетъ безсмысленно—фанатически относиться къ невѣрнымъ, и здѣсь надо искать источника той его терпимости, которая такъ рѣдко встрѣчается у азіатскихъ властителей.

Худояръ-хану въ настоящее время 35—36 лѣтъ. По наружности, онъ высокій и тучный мужчина съ добродушнымъ и даже нѣсколько застѣнчивымъ лицомъ, неговорящимъ о склонности къ кровожадности и жестокости. Изъ разговора, который онъ имѣлъ въ продолженіе 20 минутъ съ членами нашей мисіи, трудно составить себѣ понятіе объ умственныхъ способностяхъ и характерѣ хана, припомнивъ въ особенности, что онъ азіятецъ, привыкшій маскировать свои мысли и ощущенія; но если обратить вниманіе на трудность положенія, въ которомъ онъ находится, и умѣетъ все-таки удержаться на мѣстѣ и даже приводить въ исполненіе проекты ненавистныя его подданнымъ, то надо согласиться, что ханъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ и большою изворотливостью. Опасность, грозящая ежечасно жизни хана, весьма велика, потому что зарѣзать хана, въ Азіи, дѣло немногимъ серьезнѣе, чѣмъ для хана зарѣзать своего подданнаго; разница лишь въ большей трудности дѣла, но не въ нравствен-

номъ отношеніи. Поэтому ханъ не выходитъ иначе, какъ въ сопровожденіи сотни сарбазовъ, а днемъ и ночью дворецъ оберегается карауломъ, который ханъ самъ повѣряетъ иногда по нѣскольку разъ въ ночь.

Семейство Худояръ-хана состоитъ изъ матери его, которая, какъ говорятъ, имѣетъ на него большое вліяніе, старшаго сына, находящагося бекомъ въ Анджанѣ, молодаго человѣка 18 лѣтъ, и двухъ младшихъ сыновей при немъ. У него три законныя жены и 28 женъ неимѣющихъ этого званія. Всѣ онѣ живутъ въ отдѣльныхъ комнатахъ, во дворѣ цитадели, доступъ въ которыя дозволяется только родственникамъ любимыхъ ханскихъ женъ. Въ знакъ особой милости ханъ иногда отправляется въ сажлю той или другой жены; по большей же части требуетъ ихъ къ себѣ во дворецъ. Кромѣ этихъ, болѣе или менѣе постоянныхъ, женъ, ханъ нерѣдко покупаетъ себѣ молодыхъ невольниковъ и невольницъ и, по прошествіи нѣсколькихъ дней, даритъ ихъ своимъ приближеннымъ.

Жизнь хана вообще весьма однообразна: онъ встаетъ очень рано и, вмѣстѣ со своими приближенными, совершаетъ намазъ; затѣмъ самъ читаетъ молитвы и переходитъ въ пріемную, гдѣ уже его ожидаютъ, размѣщенные вокругъ стѣнъ и сидящіе на колъняхъ, 10—12 изъ самыхъ близкихъ хану людей. Онъ поочередно вызываетъ ихъ и выслушиваетъ доклады, а когда устанетъ отъ долгаго сидѣнія, то, въ знакъ особой милости, вызываетъ нѣкоторыхъ въ особую комнату. Это считается большимъ почетомъ. Въ 9 часовъ начинаютъ съѣзжаться ко дворцу всѣ лица, имѣющія доступъ къ хану; ихъ набирается нѣсколько сотъ и даже свыше тысячи: это называется ѣздить на «ассаламъ». Всѣхъ пріѣзжающихъ представляетъ хану удайчи, должность котораго можно сравнить съ церемониймейстерскою, причѣмъ они провозглашаютъ «асаламъ-алейкумъ», а ханъ отвѣчаетъ жестомъ, движеніемъ головы или словомъ, смотря по степени милости къ представляющемуся лицу. Въ представленіяхъ и выслушиваніи докладовъ проходитъ время до 11—12 часовъ, послѣ чего ханъ уходитъ во внутренніе покои, а въ два часа обѣдаетъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родственниковъ или любимцевъ. Послѣ обѣда, только въ случаяхъ особенной важности, ханъ занимается дѣлами; это время посвящается кушанью и харему.

Что касается ханскаго двора, то почти невозможно понять смыслъ придворныхъ должностей или найти какую-нибудь систему въ распредѣленіи занятій, потому что какъ степень власти, такъ и размѣръ занятій каждаго лица зависятъ отъ произвола хана. Въ

прежнее время, при ханскомъ дворѣ всѣ должности сосредоточивались въ двухъ лицахъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ гражданскою и административною частью, а другой военною; но такое сосредоточеніе власти, разумѣется, было признано опаснымъ и должностей этихъ, въ настоящее время, не существуетъ. Теперь главнѣйшія придворныя должности принадлежатъ начальнику пѣхоты и артилеріи, Атабеку, и начальнику конницы, Ширь-али; первая должность въ особенности важна потому, что съ ней соединены обязанности охранять особу хана во дворцѣ и внѣ его. За ними слѣдуетъ государственный казначей, завѣдывающій всѣми суммами и подарками, поступающими къ хану и ведущій имъ известную отчетность, и мефтеръ, или государственный сборщикъ податей. Этотъ послѣдній чиновникъ имѣетъ частыя столкновенія съ нашими купцами, потому что самъ собираетъ пошлину (зякетъ) съ прибывающихъ каравановъ; обязанность его весьма щекотлива, потому что хорошимъ обращеніемъ съ торговыми людьми онъ можетъ навлечь на себя ненависть народа за допущеніе нѣкоторыхъ вольностей, нарушающихъ обычаи страны, а дурное задержать вообще торговые обороты, составляющіе немаловажную часть ханскихъ доходовъ. Мефтеръ постоянно живетъ въ зякетъ-сарай; кромѣ того его агенты находятся у всѣхъ городскихъ воротъ и имѣютъ обязанность приводить всякій вошедшій караванъ въ зякетъ-сарай; здѣсь товары сваливаются, осматриваются, оплачиваются пошлиною, и затѣмъ купецъ получаетъ свидѣтельство на свободное право торговли. Съ настоящимъ мефтеромъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, случился казусъ, который мы приводимъ здѣсь для характеристики коканской администраціи. До 1867 года мефтеръ былъ въ то же время государственнымъ казначеемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимался поставками различныхъ продуктовъ на войско; но въ 1866 году, въ годовомъ своемъ отчетѣ, онъ никакъ не могъ скрыть значительнаго недочета, именно изъ 90,000 тилей дохода 60,000 были показаны въ расходъ, а слишкомъ 30,000 тилей не доставало. Вслѣдствіе этого, мефтеръ былъ тотчасъ же отрѣшенъ отъ должности казначея и отъ поставокъ на войско; но, въ то же время, собираніе зякета было ему оставлено съ тѣмъ, чтобы онъ могъ *поправиться* и выплатить долгъ. Тогда мефтеръ тотчасъ же сдѣлалъ заемъ у купцовъ, а остальные деньги пополняетъ безгрѣшными доходами, перепадающими по его должности... Нельзя не подивиться столь оригинальному способу пополненія казенныхъ недоимокъ. Впрочемъ, мефтеру, какъ говорятъ, не обошлось бы такъ дешево такое значительное преступленіе, если бы не заступничество матери хана,

у которой онъ пользуется особымъ расположеніемъ. Настоящій мефтеръ, несмотря на трудность положенія, объясненнаго выше, успѣлъ заслужить расположеніе нашихъ купцовъ, хотя этимъ онъ такъ раздражилъ жителей, что они неразъ грозили ему смертию.

Вышепоименованныя лица и нѣкоторыя другія, въ числѣ 12 человекъ, составляютъ ближайшій совѣтъ хана и участвуютъ въ разрѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ. Но кромѣ постоянныхъ совѣтниковъ есть еще лица изъ бековъ, пользующіяся особымъ довѣріемъ хана. Званіе бека вообще весьма уважается въ странѣ и дается обыкновенно лицамъ, управляющимъ или управлявшимъ городами, съ властію почти равняющейся ханской. Поводомъ къ назначенію въ эти должности служить обыкновенно болѣе или менѣе крупный подарокъ хану, расходъ на который бекъ старается въ слѣдствіи вознаградить какъ усиленнымъ сборомъ танана и хераджа, официально ему предоставленнымъ, такъ и другими безчисленными поборами, собираемыми съ несчастныхъ жителей, находящихся въ безконтрольномъ распоряженіи бека. Конечно, часть этихъ доходовъ выпадаетъ и на долю хана.

Указавъ на общій характеръ коканскаго правительства и двора, обратимся теперь къ разсмотрѣнію финансовыхъ средствъ хана, для точнаго опредѣленія которыхъ не имѣется, впрочемъ, почти никакихъ данныхъ. Всѣ доходы хана состоятъ изъ податей (*), арендныхъ статей, поборовъ и сборовъ съ кочеваго населенія. Если предположить зякетный сборъ въ 500,000, хераджъ и тананъ въ 1¹/₂ миліона; если принять въ соображеніе цѣнность подарковъ, получаемыхъ ханомъ отъ служащихъ лицъ и отъ купцовъ, и дань, приносимую полуподвластнымъ кочевымъ населеніемъ, то общая сумма доходовъ хана составитъ въ сложности до трехъ миліоновъ рублей (**).

Военныя силы ханства состоятъ изъ постоянныхъ войскъ, которыми ханъ всѣми силами старается придать видъ регулярныхъ, и конныхъ ополченій, собираемыхъ въ военное время. Постоянныя вой-

(*) Подати, взимаемыя съ жителей, состоятъ: 1) изъ поземельнаго сбора — *тананъ-тулл*, весьма значительнаго въ размѣрахъ; такъ, съ каждаго танана огорожденной земли плата опредѣлена въ $\frac{1}{2}$ тилей, а съ сада до 3-хъ тилей; 2) изъ хлѣбнаго сбора — *хераджа*, въ количествѣ $\frac{1}{3}$ всего урожая; сборъ этотъ весьма обременителенъ, потому что взимается не натурою, а деньгами, и обыкновенно въ неудобное для земледѣльца время; 3) изъ таможенныхъ пошлинъ — *зякета*.

Изъ арендныхъ статей, между прочимъ, можно указать на доходъ съ переправъ на Сыръ-Дарьѣ. Одинъ чиль-маграмскій перевозъ даетъ ежегодно около 4,000 рублей.

(**) По „Военно-Статистическому Сборнику“ цифра доходовъ хана показана въ 380,000 руб. сер.

ска состоятъ изъ 2,000 пѣшихъ сарбазовъ, расположенныхъ въ самомъ Коканѣ, и 300 артиллеристовъ, назначаемыхъ для дѣйствія изъ орудій. Коканская пѣхота, несмотря на всѣ заботы о ней хана, не можетъ похвастаться ни дисциплиною, ни хорошою организаціею. Она набирается большею частію изъ бездомныхъ бродягъ, ищущихъ лишь готоваго пропитанія и негодныхъ ни къ какой дѣятельности; иногда въ сарбазы отдають за преступленія и проступки. Одна часть пѣхоты одѣта въ красныя куртки, съ желтыми чамбарами; другая, въ синіе суконные сюртуки, съ персидскими мѣховыми шапками, а остальные въ самые разнообразные костюмы, между которыми видную роль играютъ наши солдатскіе мундиры, выслужившіе срокъ и скупаемые на базарахъ въ Ташкентѣ и Ходжентѣ. Вооруженіе сарбазовъ состоитъ изъ ружья и сабли; ружья все разныя, между которыми попадаются и русскія. Довольство сарбазовъ самое скудное: они получаютъ въ годъ по курткѣ или по халату и по парѣ сапогъ, да, кромѣ того, ежедневно по двѣ лепешки изъ муки и даровое помѣщеніе. Жалованья въ правильные сроки сарбазы не получаютъ, но имъ выдается, въ видѣ награды, по нѣскольку кокановъ (двугривенныхъ) въ мѣсяцъ. Люди ненадежные, набранные насильно и отменно-дурно содержимые, сарбазы принадлежатъ къ числу наиболѣе недовольныхъ существующими порядками въ ханствѣ, а между тѣмъ они—то и обязаны составлять главную опору хана и оберегать ханскую особу отъ собственныхъ его подданныхъ. Подобная аномалія можетъ быть объяснена только тѣмъ, что въ ханствѣ остальные элементы еще менѣе надежны, чѣмъ плохіе и полуголодные сарбазы. Обучение сарбазовъ производится, нашими плѣнными и бѣглецами, на русскій ладъ, даже командныя слова употребляются на русско-исковерканномъ языкѣ; но характеръ обученія таковъ, который держался у насъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нѣкоторымъ членамъ нашей мисіи удалось видѣть ученье сарбазовъ на площади передъ ханскимъ дворцомъ: трудно себѣ представить что-либо курьезнѣе этого зрѣлища: въ одномъ мѣстѣ обучаютъ стойкѣ, причемъ задача учителей состоитъ въ томъ, чтобы стойка была какъ можно менѣе естественна; въ другомъ мѣстѣ учатъ маршировкѣ, которая состоитъ изъ круженія тихимъ шагомъ, по три въ рядъ, на разомкнутыхъ интервалахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. И тамъ, и здѣсь—невинные сарбазы получаютъ значительное число палокъ, которыя одні, какъ кажется, придаютъ пикантность сонному ученю коканскаго регулярнаго войска. И здѣсь, какъ и вездѣ, можно прослѣдить тотъ путь, который прокладываетъ себѣ цивилизація: сначала усвоивается внѣш-

ность, и только она одна; коканецъ думаетъ, что въ русской пуговицѣ и въ таинственномъ, но непонятномъ движеніи тихимъ шагомъ заключается весь секретъ ихъ силы. Азіятцамъ предстоитъ еще много уроковъ и много разочарованій, пока они уразумѣютъ, что не въ мундирѣ русскаго солдата вся тайна его побѣдъ, а въ нравственномъ превосходствѣ надъ полудикими сартами, въ увѣренности въ своей силѣ, въ томъ единомысліи, которое, въ военномъ отношеніи выражается *строемъ*.

Такимъ образомъ, сарбазы представляютъ не болѣе, какъ попытку къ устройству постояннаго регулярнаго войска и имѣютъ весьма мало значенія въ военномъ смыслѣ; главную же силу ханства составляютъ конныя ополченія. Эти послѣднія собираются только въ военное время; каждый кушъ—бегъ или хакимъ (правитель города) обязанъ, по требованію хана, выставить извѣстное число воиновъ, смотря по величинѣ управляемаго имъ округа. Для этого кушъ—беги вѣдутъ списки лицамъ, изъявившимъ желаніе поступить на службу, и изъ числа ихъ выбираютъ требуемое число охотниковъ. Въ прежнее время, поступающіе люди получали отъ правительства лошадь, сбрую и извѣстную сумму на подъемъ, и обязаны были имѣть свое вооруженіе и одежду; въ настоящее же время, они выѣзжаютъ вооруженные и на своихъ лошадяхъ. Содержаніе коканскихъ ополченій состоитъ изъ денежнаго довольствія и провіанта натурою, но ни то, ни другое не имѣетъ опредѣленнаго размѣра и вполне зависитъ отъ кушъ—беговъ, на полное иждивеніе которыхъ поступаютъ набранные люди; самъ ханъ содержитъ только войска коканскаго округа. Денежное довольствіе ополченца простиралось въ 1851 году до 45 руб. въ годъ.

Снаряженіе и вооруженіе коканская кавалерія имѣетъ весьма плохое: лошади, хотя и аргамаки, но дурнаго качества, стоящія отъ 10 до 15 рублей (2—4 тия). Холодное оружіе: кривая сабля и пика; огнестрѣльнаго оружія мало, и то разныхъ калибровъ, и даже съ фитилями.

Особенность кавалеріи коканской состоятъ въ томъ, что, при расположеніи лагеремъ, она чрезвычайно растягивается, потому что бивуагъ не можетъ состоять изъ одной общей коновязи, ибо у тамошнихъ кавалеристовъ имѣется много жеребцовъ, вслѣдствіе чего каждую лошадь приходится привязывать отдѣльно.

Порохъ и пули раздаются при выступленіи въ походъ. Порохъ готовится въ городѣ Коканѣ, самаго низкаго сорта; для выдѣлки его правительство выдаетъ частнымъ людямъ необходимыя матеріалы,

сыру и селитру, а иногда само предпринимаетъ заготовленіе пороха, употребляя для этого военно-служащихъ. Ружейнымъ дѣломъ и каленіемъ клинковъ отличается гор. Наманганъ, гдѣ ружейные стволы до сихъ поръ получаются изъ Россіи.

Въ мирное время ополченіе распускается; на службѣ остаются только сипаи, или тѣлохранители, при кушъ-бегахъ, составляющіе въ одно и то же время и войско, и прислугу, и чиновниковъ. Такъ какъ содержаніе войска въ Коканѣ обходится довольно дорого, то кушъ-беги стараются сократить, по возможности, число состоящихъ при нихъ въ военное время сипаевъ.

Коканская артилерія въ шестидесятыхъ годахъ была вся вывезена эмиромъ Мозафаромъ въ Бухару. Она состояла изъ плохихъ орудій, числомъ до 30, по калибру и конструкціи подходящихъ къ 3-фунтовымъ пушкамъ, возимымъ на неуклюжихъ лафетахъ, съ помощью четырехъ или восьми лошадей. Кромѣ того, коканцы употребляли родъ чугунныхъ или желѣзныхъ крѣпостныхъ ружей съ фитилями: *шахмалы*, возимые на верблюдахъ, и *язайлы*, утверждаемые на желѣзномъ болтѣ, на оси одноколки; изъ язаилы стрѣлять иначе нельзя, какъ назадъ: спереди мѣшаетъ лошадь, съ боковъ высокія колеса одноколки. Въ настоящее время, въ Коканѣ сформирована новая артилерія, по послѣднимъ свѣдѣніямъ состоящая изъ сорока орудій. Для литья пушекъ употребляется красная мѣдь, а потому орудія обходятся очень дорого.

Такимъ образомъ, военныя силы ханства въ мирное время ограничиваются небольшимъ числомъ сарбазовъ и сипаевъ, находящихся на службѣ у правителей городовъ и округовъ; въ военное время эти силы значительно возрастаютъ отъ конныхъ ополченій. По неимѣнію данныхъ, весьма трудно опредѣлить численность всей вооруженной силы Кокана, но надо полагать, что она едва-ли можетъ превосходить 15—20 тысячъ человѣкъ.

Военныя чины, существующіе въ Коканѣ, слѣдующіе: *атамыкъ*—главнокомандующій, *миръ-баши*—начальникъ тысячи, *серкерб*—почетный титулъ, *пашадъ-баши*—пятисотенный начальникъ, *юзъ-баши*—сотенный, *панджа-баши*—пятидесятникъ, *дьякъ-баши*—десятникъ.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о коканскомъ войскѣ, можно замѣтить, что, въ военное время, ханъ можетъ рассчитывать вполнѣ только на тѣ войска, которыя выставлены коканскимъ округомъ; остальная часть коканской арміи, набираемая кушъ-бегами и хаки-

мами, непосредственно подчиняется имъ и состоитъ въ полной отъ нихъ зависимости.

Несмотря на краткость и неполноту предложеннаго очерка, по немъ все-таки можно себѣ составить нѣкоторое понятіе какъ о торговомъ и промышленномъ значеніи Кокана, такъ отчасти и о его общественной и политической жизни. Представляя небольшое пространство плодородной земли, обильно-орошенной рѣками, съ прекраснымъ климатомъ, Коканъ, несмотря на это, самъ по себѣ, не имѣетъ почти никакого значенія, по скудости населенія и по отсутствію мѣстной промышленности. Коканъ, въ своихъ предѣлахъ, представляетъ ничтожный рынокъ для сбыта и не можетъ оживить привозной торговли, вслѣдствіе незначительнаго количества своихъ продуктовъ. Но за то, Коканское ханство имѣетъ огромное значеніе въ другомъ отношеніи: оно находится въ узлѣ путей, соединяющихъ отдаленный китайскій и индійскій Востокъ съ нашими вновь приобретенными землями, вошедшими въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Китайскій Туркестанъ и земли, къ нему прилегающія, могутъ обезпечить огромный сбытъ, которымъ отчасти уже пользуются англичане. Торговое соперничество съ англичанами въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ представляетъ нѣсколько шансовъ въ нашу пользу: наши товары уже пользуются нѣкоторою репутаціею и, по своему характеру, рисункамъ и качеству, ближе подходятъ къ требованію и вкусамъ азіатцевъ, нежели англійскіе; надо только развить то, чему уже положено начало. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что доставка нашихъ товаровъ изъ Москвы или изъ приволжскихъ губерній весьма затруднительна, увеличиваетъ ихъ цѣнность и ставитъ первое и важное препятствіе успѣшной конкуренціи нашей съ англійскими товарами. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда только торговля наша получитъ большее значеніе, когда разовьется промышленность въ странахъ, недавно нами занятыхъ и ожидающихъ промышленной разработки по всемъ отраслямъ; тогда вѣрный сбытъ и богатая прибыль будутъ неуклонно сопровождать всякое производство. Не менѣе важно подѣйствуетъ на сбытъ нашихъ товаровъ проложеніе удобныхъ путей въ туркестанское генералъ-губернаторство—вопросъ, стоящій теперь на очереди и недавно обсуждавшійся въ нашемъ Географическомъ Обществѣ. Но надо признать, что исполненіе этихъ надеждъ возможно въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, а до тѣхъ поръ придется принять настоящее торговое положеніе, не ожидая большихъ барышей.

Во всякомъ случаѣ, правительство наше, имѣя въ виду важность коканскаго рынка, служащаго посредникомъ торговли съ отдаленнымъ Востокомъ, сочло за нужное заключить съ коканскимъ ханомъ торговый трактатъ (текстъ котораго помѣщенъ выше), которымъ обезпечиваются обоюдно торговые сношенія между коканскими и нашими купцами. Хотя азіятскіе властители, какъ извѣстно, не придаютъ большой цѣны письменнымъ обязательствамъ, но при извѣстномъ расположеніи хана къ русскимъ, неразъ имъ заявленномъ, и при тѣхъ выгодахъ, которыя онъ получаетъ отъ этого союза, можно быть увѣреннымъ, что договоръ крѣпко будетъ соблюдаться, на сколько хватитъ ханской власти и вліянія. Выше было объяснено, какъ шатко правительство хана и какія опасности грозятъ ему извнѣ и внутри: при такихъ обстоятельствахъ ему нуженъ союзъ съ русскими, уже избавившій его отъ притязаній Бухары и Кашгара. Такимъ образомъ, повторяемъ, вслѣдъ за развитіемъ мѣстныхъ средствъ Туркестанскаго края, Кокану предстоитъ блестящая будущность, и тогда, можетъ быть, понадобятся болѣе надежныя гарантіи въ его дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ; въ настоящее же время, торговый союзъ достаточно обезпечиваетъ наши торговые сношенія съ Коканомъ и сопредѣльными съ нимъ странами.

* * *

ПОѢЗДКА ВЪ КАШГАРЮ.

Поѣздка артилеріи штабсъ-капитана Рейнталя въ Кашгаръ совершена была по распоряженію мѣстнаго начальства Туркестанскаго края, осенью минувшаго 1868 года (*). Цѣль поѣздки заключалась въ разъясненіи нынѣшнему властителю кашгарскаго государства, Якубъ-беку, нашихъ взаимныхъ отношеній, клонящихся не къ завоеванію, въ которыхъ мы не нуждаемся, а къ установленію добраго и прочнаго согласія и къ развитію торговыхъ сношеній, къ обоюдной выгодѣ обоихъ сосѣднихъ государствъ.

Чтобы описаніе этого путешествія сдѣлать удобопонятнымъ и яснымъ, необходимо бросить хотя самый общій и краткій взглядъ на географическое положеніе Кашгаріи, въ особенности же рассмотреть пограничную черту, отдѣляющую ее отъ русскихъ владѣній, и затѣмъ взглянуть на современное положеніе тамъ дѣль.

Отступленіе это будетъ небезполезно, въ виду все болѣе и болѣе развивающихся сношеній нашихъ съ Кашгаріей.

Кашгарія, извѣстная въ географіи подъ именемъ Восточнаго Туркестана или Малой Бухаріи, въ смыслѣ политическомъ и административномъ называется *Алтышаромъ* (шестиградье), по числу шести главныхъ городовъ въ округахъ, входящихъ въ составъ одного общаго управленія. Города эти слѣдующіе: Кашгаръ съ Янгы-Шаромъ, Учъ-Турпанъ, Куча, Аксу, Яркендъ и Хотанъ. Въ послѣднее время, при настоящемъ уже правительствѣ, стали называть *Джеты-Шаромъ* (семиградье).

Восточный Туркестанъ лежитъ почти въ центрѣ азіятскаго материка и окруженъ съ трехъ сторонъ высочайшими въ мірѣ горными цѣпями: на сѣверѣ тянется снѣжный Тянь-Шань, который отдѣляетъ

(*) При чтеніи этой статьи можетъ служить пособіемъ „Карта Киргизской степи и Туркестанскаго военнаго округа“.